

Александр Плетнёв

ЦЕПКИЕ ЛАПЫ ВРЕМЕНИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Проект «Орлан»

Александр Плетнёв
Цепкие лапы времени

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Цепкие лапы времени / А. В. Плетнёв — «Издательство АСТ»,
2021 — (Проект «Орлан»)

ISBN 978-5-17-135975-1

Политические интриги и шпионские игры, дерзкие действия резидентуры ЦРУ в Москве. Параллельно с этим разворачивается и продолжается Фолклендский конфликт между Великобританией и Аргентиной, которой СССР все же решил оказать помощь – своими советниками и поставками боевой техники.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135975-1

© Плетнёв А. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
До востребования «раз»	27
До востребования «два»	28
Сухие факты, сухие строчки, сухие мысли... иной расклад	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Плетнев

Цепкие лапы времени

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 203

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Александр Плетнев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

*Чем долго тлеть, в треть
Сократить и... сгореть —
Пусть молодой,
Сверхновой звездой!*

«В большинстве мы влачим свое существование, лишь по назначению-долгу провоцируем на поступки, выходящие за рамки повседневности.

И совсем мало кто из нас хоть раз становился лицом к лицу с безжалостным временем, бросая вызов – ему, себе, судьбе, бросая шарик на стол рулетки, что скачет, прыгает с поля „жизнь“ случайностей и перемен, на поле „смерть“ неотвратимости и конца.

Игра на „жизнь“ и на „смерть“. Игра?»

Старый, уставший от жизни, смертельно больной человек подошел к окну, размытому расплывающейся пленкой воды... глядя...

Ливень неистовствовал. Серые струи низвергались с тяжелого хмурого неба, смывая накопившуюся за лето пыль, что теперь собиралась мутными лужами, уходя грязевыми потоками в ливневку.

Воображение искало в этом символичность, казалось, будто это очищающий дождь... чистилище – для столицы советской империи, для всей страны. От ошибок и заблуждений, извечных и неистребимых грехов человеческих (где оно светлое коммунистическое? Ау!).

– Вправе ли мы наказывать за еще несовершенное? – вопрос пришел из-за спины.

Юрий Владимирович Андропов отвернулся от окна, очки вдруг запотели, и он тщательно их протирал носовым платком, прежде чем ответить:

– Константин Устинович, дорогой, предательство как зараза поселилась в них даже не сейчас, а много раньше. Правы эти пришлые из будущего – выродилось племя партийцев. Да вы присядьте...

Константин Устинович Черненко осторожно примостился на край стула, взирая по-прежнему вопросительно. В последнее время они с Андроповым стали лучше друг друга понимать, можно сказать, что сблизились, порой перескакивая с «вы» на ты».

Этот разговор еще будет иметь продолжение.

Москва. Кремль

Когда-то он был спринтером в забеге с препятствиями.

Взявший такой непростой старт спортсмен поначалу держал прекрасный темп, но призрачный финиш по-прежнему оставался где-то в недоступной дали. Появилась усталость в мышцах, сбилось дыхание.

Вскоре перейдя на трусцу, уже не веря в себя самого, он вышагивал скорей по инерции... так же, как и страна, затянута в рутину быта, потеряв в него веру – в социализм.

А уж тот далекий, призрачный, как любая мечта, а потому и вовсе недоступный «коммунизм» остался в головах лишь недоуменным символом.

Люди со свойственной им косностью, привыкнув к хорошему, это хорошее не замечали, извечно ругали плохое, посмеиваясь на кухнях над нелепым (а не над собой ли?). Тем не менее юмор, помимо тривиального и классического, обязательно вымещался на политической «голове», так как именно оттуда по «рыбным заветам» появлялся первый тухлый запах.

Еще в ходу и свежи были анекдоты про уже почти прощенного в своей жалкости и смерти Брежнева...

А теперь вот новый, но тоже далеко не свежий генсек... и окружение на трибуне мавзолея неизменно.

Так может, они и олицетворяют его – этот охромевший, спотыкающийся с одышкой «социализм»? Они – «кремлевские старцы»?

* * *

Ездить на участвовавшие медицинские профилактики в Центральную кунцевскую больницу Андропов считал излишней тратой времени, обходясь посещениями главной «кремлевки» на Калинина. Сюда же всегда мог быстро прибыть порученец с какими-нибудь срочными документами, и генсек прочитывал их прямо под капельницей.

Юрий Владимирович в эти августовские дни неожиданно бодрился, словно на втором дыхании. Приглаждающие за ним врачи, пожалуй, даже лучше знающие физическое состояние тела, нежели сам хозяин, уж привыкший к постоянным скрипам своего «механизма», только беспокойно перебирали показания анализов, констатируя – вместо обычного осеннего обострения неожиданная рецессия. Уж не перед финальным ли кризисом?

А главный пациент страны вставал с кушетки и сурово, без тени усмешки (еще бы, после, надо сказать, весьма мучительных процедур гемодиализа¹) отшучивался:

– Я знаю свой срок. И последние полгода лежать пластом полутрупом не намерен. Чем долго и нудно дотлевать угольком, лучше уж быстро порохом догореть, а то и вовсе... вспыхнуть сверхновой, сгорая жизнью без остатка.

И сейчас спешил надеть рубашку, поправив галстук, выходя из палаты, уже на ходу застегивая пуговицы поданного пиджака... только что на ногах еще оставались кожаные домашние тапочки – дошлепать до отстоящих ближе к коридору туфель и застывшего спецкурьера с портфелем.

В этот раз был доклад из КГБ от Крючкова – тесные служебные контакты с генерал-лейтенантом, особенно сейчас в связи с делом «крейсера из будущего», переросли в особо доверенные отношения.

Читал уже в автомобиле, досматривая по приходе в кабинет.

На фоне борьбы с коррупцией и особенно развернувшейся «чистки» в рядах аппарата МВД, когда следующим этапом шли «замазанные» во взятках и хищениях ответственные работники номенклатуры, политический разгром со ссылкой в тмутаракань некоего члена Совета Союза Б. Н. Ельцина прошел практически незамеченным. Как и освобождение с занимаемых должностей за несоответствие или злоупотребление служебным положением других кандидатов и партийных деятелей. А также ряда «непартийных», казалось бы, совсем малоизвестных (сейчас малоизвестных) граждан-товарищей.

Мнение о Горбачеве изменилось, как обрезало. Это мнение разделилось на «вчерашнее» и «сегодняшнее». И Юрий Владимирович ничего не мог с собой поделать – прежние взгляды сдались перед новыми знаниями.

С Горбачевым Михаилом Сергеевичем (ни много ни мало членом Политбюро ЦК КПСС) Андропов переговорил лично, по-простому, как в бытность на Ставропольщине, чего не случилось здесь в Москве².

Поначалу растроганный Михаил Сергеевич «заслуживался», но в конце беседы едва сознание не потерял, когда глава руководящей партии страны исключаящим всякие возражения голосом порекомендовал «молодому соратнику» попросить отставки, якобы сославшись на здоровье, семейные обстоятельства, на что угодно.

¹ Гемодиализ – метод внепочечного очищения крови.

² Переведя Горбачёва на работу в столицу, Андропов прекратил всякие панибратские отношения со своим протеже, дабы исключить лишние разговоры о «любимчиках».

«В стране грядут перемены, дорогой Михаил Сергеевич, – глядя в преданные масляные пуговики-глазки, говорил генсек, – и в высшем партийном руководстве в том числе. Полетят головы. Вот Шеварднадзе вдруг слег с воспалением легких. Неслучайно! И чтобы ты ненароком не попал под раздачу, надо с полгодика отсидеться в стороне. Верь мне».

На самом деле Юрий Владимирович иезуитски врал.

Если и намечались радикальные мероприятия – несколько так называемых «несчастных случаев» среди весьма заметных, занимающих высокие посты и должности столичных фамилий, – то Политбюро это касалось лишь единичными персоналиями. Однако...

– Подозрения однозначно возникнут, – рубил доводами на предварительном разборе Крючков, – поэтому тратить щекотливый ресурс еще и на этого пустобреха не вижу резона. А так... поскользнется на арбузной корке в своей ставропольской глубинке.

Вообще генерал-лейтенант, ознакомившись с полными биографиями некоторых деятелей, искренне озлобился, заявив, что «недостойны эти подонки и предатели смерти от несчастного случая или сердечной недостаточности». Собственно, и Ельцин просто так не хотел отпускать, мотивируя:

– Я не поленился, после просмотра хроники «девяностых», где «гастролирует» пьяный ЕБН (вот уж наградила родословная инициалами), ради интереса повстречался, поглядел на него – очень энергичный мордатый тип. И вдруг подумалось мне: а если... Ну, вот мало ли – вылезет эта сволочь на сточно-канализационной волне демократии, объявив себя жертвой репрессий.

– Что предлагаешь?

– Загнул с перепою, например. Нет трудности посадить его «на стакан» – дескать, спился, сломленный карьерными неудачами. Зато какое милосердие, – сказал, точно сплюнул, – умрет пьяным и счастливым, понима-а-ашь... А на Горбачева и других, всех кто тут по списку... найти за ними грязные делишки уже сейчас можно с лихвой! Нет? Всегда можно сфабриковать! Предъявить обвинения, вызвать на партийный, а там и на уголовный суд!

– Нет пока за ними ничего особого... сейчас, что Ельцин, судя по характеристикам, что Горбачев – молодые, подающие надежды... – медленно, словно нехотя, вывел Андропов. Видел, как вытянулось в непонимании лицо генерала, поспешив уточнить: – Нет, я не оправдываю их...

Скрепя сердце подумал: «Я не оправдываю нас – высшее партийное руководство. Себя. Шаг за шагом следуя в брежневском кильватере, боясь перемен, мы подводили страну к пропасти. Понимали, видели это... еще вчера. Но я вот вчера до конца в это так и не верил. А уже сегодня это свершившаяся где-то данность».

Подобрать компромат и засудить недавнего ставропольского крайкомовского секретаря Андропов остерегался – тот знал некоторые, пусть и неявные, но неприятные факты, которые Горбачев, будучи «утопленником, схватившимся за соломинку», мог огласить. Да и... ну, вот никак не мог Юрий Владимирович допустить столь полной дискредитации партии и руководства советского правительства. В первую очередь, видя собственную вину, являясь частью системы. И не важно, что он лично «хотел как лучше, а получилось, как всегда».

«Откуда у меня вдруг выскочила эту глупая фраза? В голове в последнее время от наплыва всего так перемешалось, что черт ногу сломит».

Все навалившиеся проблемы самому охватить, разумеется, было невозможно. Так, например, собранные из дня вчерашнего, сегодняшнего и опыта грядущих удачных экономик уже такие знакомые и совместимые понятия, как «социализм с человеческим лицом», «югославская модель экономики... венгерская», «полурыночное построение Китая и Вьетнама», рассматривались специальной комиссией по преобразованиям и реформам.

И здесь, перекладывая чужой опыт на реалии и масштабы СССР (с его пятнадцатью национальными республиками и огромными пространствами), предполагалась более сложная организация хозяйствования.

Любое реформирование экономики нужно было тщательно проработать, апробировать на второстепенных отраслях и уж затем внедрять повсеместно. За исключением ВПК и других стратегических направлений промышленности.

«Если СССР как монолит, как глыба оказался неповоротлив, – озвучивал на одном из таких консилиумов председатель комиссии, – не стоит ли создать более гибкую систему, подобно тому, как строят дома в сейсмоопасных районах?»

«Такая гибкость подразумевает рынок! Но здесь таится уже известная опасность, – понимая архиважность перемен, Андропов все же опасался круто толкнуть махину государства на новый курс – инерция могла опрокинуть все! Все могло повториться, как уже в описываемой пришельцами хронологии, ввергнув страну в хаос затяжного переходного периода, напрочь разрушив имеемый какой-никакой стабильный социально-политический строй, создав нечто непотребное, приведя к власти негодяев. Уберем этих известных, придут другие – их замы или еще кто звеном ниже... вообще новые, неизвестные фамилии. Что тогда?

А вдруг просто время такое наступило нам катиться в пропасть – исторически предопределенный упадок и разрушение империи? И люди, слабые и даже сильные, попросту курвились один за другим!

Тогда чем будут лучше другие? Заводить на всех “дело”, как советует Крючков, чтобы держать в кулаке? Это порочная практика. Кто будет держать, кто будет кулаком?

Интересно, какие компроматы будет выдумывать генерал-лейтенант, если у них там, в будущем, даже педерастия не грех?»

Еще раз просмотрев первые листы доклада (самое важное и ключевое всегда подавалось в начале), Юрий Владимирович протянул руку к телефонному аппарату прямой связи с Черненко. На ответное «слушаю» известил:

– Я на рабочем месте.

– Знаю. Сейчас зайду.

Положив основательную, цвета слоновой кости, трубку на рычаги, снова погрузился в документы.

«А вот административно-территориальную реформу с упразднением республик и введением так называемых (на старый манер) губерний, м-нэ... пожалуй, сейчас об этом заикаться преждевременно. Как преждевременно любое перекраивание внутренних границ. Либо сделать это кулуарно, в бумагах, избежав большой огласки.

По сегодняшнему докладу Крюčkова – партийный и руководящий улей заметно растревожен. Об этом доносит и прослушка. Не всем нравится “андроповская метла” (окрестили уже)».

Каким-то образом распространились слухи-анекдоты о «корабле-призраке» и чуть ли не о его фантастическом происхождении... до тех уровней, которым знать о том и вовсе не положено.

Пришлось выкручиваться – все дело представлено как специальная операция флота в целях дезинформации вероятного противника.

«А дела военных это дела военных. Здесь ни Верховный Совет, ни секретариат ЦК всего знать не могут и не должны».

Политбюро? Полную информацию из будущего, касающуюся особо трагичных фактов Страны Советов, доводить до всех членов Политбюро тоже было бы пока неосмотрительно и опрометчиво.

* * *

– Вы, Константин Устинович, как Зевс!

– А?... – даже растерялся Черненко, смущенно замешкавшись у входа.

– Да как вошли, так и загрохотало. Дождь с грозой обещали еще с утра. Слышите?

За окном как раз снова загремело, отголосило раскатом, первые капли тяжелыми шлепками упали на подоконник, потом забарабанили по стеклу, а всего через минуту ливень буквально обрушился на посеревшую, потерявшую очертания Москву.

Андропов для пущей атмосферы доверительности вышел из-за рабочего места, пригласив гостя присесть рядом за длинный стол для совещаний.

Уж потом, после того, как были обрисованы основные вопросы, а также первые решения по ним, не выдержав, подошел к окну:

– Люблю дождь... под него читать, думать, спать...

– И под стук вагонных колес, – поддакнул Черненко. Впрочем, отвлекаться от основной темы не стал, задав неприятный вопрос: – Вправе ли мы наказывать за еще не совершенное? С Шеварднадзе, по-моему, ты совсем жестко. А если вскроется?

– Врачи его смотрят, какие надо. Инфекцию никто не выявит. А от воспаления легких, если болезнь дала осложнения, порой и умирают. Ты, Константин Устинович, говоришь «жестко». Но с предателями... с явными предателями, такими, как, например, полковник Калугин или Гордиевский, с этими все понятно. А другие, которые дали слабинку, которых завербовали позже? Не считать их виновными? Полагаю, что и Шеварднадзе входит в эту же когорту – достаточно того, что он неизвестно по каким причинам уступил американцам часть акватории Берингова моря. За это уже следует...

Андропов не договорил, задышав, будто от недостатка воздуха или от негодования:

– ...так пограть интересы страны. Но здесь мне видится иная подоплека. Здесь заложены мины скрытого и замедленного действия, которые и детонировали там(!) в девяносто первом году. Вот именно поэтому я не до конца и не все доверил тому же Алиеву. Теперь мы должны смотреть на нынешних соратников по партии через знание будущего. Вот именно от этого я и строю свою паранойю, зная, как проявят себя на волне сепаратизма осевшие в своих феодальных вотчинах национальные кадры. Именно этим я объясняю свой категорический приказ: «с социальной и политической информацией от пришельцев должны работать сотрудники, исключительно принадлежащие к коренной русской национальности. Ни прибалты, ни кавказцы, ни турки! Ни даже украинцы.

Всякие сведения о распаде Советского Союза и образовании независимых государств из бывших республик СССР ни в коем случае не должны питать сепаратистские мечты националистов! Потому как нет никакой гарантии, что сегодняшний честный ленинец и советский человек завтра не воскричит о незалежности. Ты знаешь мои разногласия с Федорчуком по поводу русского и украинского национализма. Но выходит, что Виталий Васильевич прав³.

Почему-то разволновавшись, Юрий Владимирович и сам не замечал, что вспотевшие очки трет с излишней тщательностью, словно пытаясь добиться того идеала, что не получался в жизни.

И без того непростая внутривнутриполитическая обстановка дополнилась новой составляющей. Из-за всех вышеупомянутых нюансов пришлось «вальсировать», всячески оттягивая созыв заседания Политбюро по делу «корабля из будущего», объясняя отсрочку тем, что предварительно все секреты находятся в ведении военных, на проверке контрразведки и комитета без-

³ Федорчук В. В. двенадцать лет возглавлял КГБ Украины, не понаслышке знал о проблемах прогрессирующего украинского национализма.

опасности. И лишь с отдельными членами ЦК проводились приватные зондирующие беседы (хотя подобные закулисные интриги были как раз и характерны для центрального аппарата).

– Нас поджигает время, – наконец выразил наболевшее Черненко, – ты не думал о том, чтобы вызнать что-то по медицине, может, они там через тридцать лет придумали новые препараты, методы? Диагноз известен, почему бы не изменить стратегию лечения? Или пригласить светил из-за рубежа?

– Ради чего? Ради лишних полгода жизни в койке, мочась в судно? Уйти надо достойно.

– Это ты так храбришься, пока тебя не прихватило.

– Это меня-то не прихватило? – почти возмущенно возразил Андропов, наконец водрузив свои чуть тонированные очки⁴, подумав: «Все мы уже герои постельного режима. И зная, что всяческие потуги пилюлькиных окажутся тщетными, зачем позже, если можно рано? Смерть уже прижала холодный ствол к виску, ее костлявые пальцы поигрывают на курке».

Что-то, судя по всему, мелькнуло на лице, а затем неожиданно отыграло ощутимыми покалываниями в боку. Заметил болезненную гримасу и Черненко, тревожно спросив:

– Юрий Владимирович, тебе плохо? Врача?

– погоди. Забыл принять, – Андропов, торопливо достав из бокового кармана пластиковую баночку, открыл, хватанул таблетку и запил из стакана.

Пауза длилась минуты три, пока не отпустило. Но заговорил с затяжкой, все еще кривясь, неожиданно меняя тему:

– В одном из документальных фильмов... оттуда, из хроники наших дней, запомнились мелькнувшие кадры – целое поле законсервированных на случай войны устаревших танков. Специально дал запрос отыскать любое упоминание. Нашли. Представляешь, они Т-55 и Т-62 списали на металлолом только аж в первое десятилетие двухтысячных. И более тысячи Т-64.

Я понимаю, танковые войска – наследие сталинских времен и Второй мировой войны, главное орудие доктрины стратегического прорыва и выхода советских моторизированных частей к Ла-Маншу. Но скажи, на кой черт нам держать такую кучу высококачественного металлолома?

– Ты это о чем?

– Да все о том же. Во-первых – продать? Продать, пока они еще относительно современны. Говорят, что Т-55 даже арабы уже брать не особо хотят. Не землю же на них пахать, как после Великой войны горбатили поля «тридцатьчетверками»! Или модернизировать и продать! Или... или еще искать варианты. Не знаю... ставить на шасси тяжелые ЗРК, «тунгуски» эти зенитные...

Евреи как-то вон трофейные переделывают⁵. Или вообще к чертовой матери спихнуть по бросовой цене, но хоть с какой-то выгодой. А модельный парк Советской армии обновлять с учетом... сам знаешь, с учетом каких новшеств.

– Э-э-э, – поплыл Черненко, – это ты, Юрий Владимирович, не по адресу. Это скорей надо бы к министру обороны...

– Вот тут второе. Я всегда должен был поддерживать военно-промышленное рвение Устинова... вот теперь и Горшкова на волне успеха на море. Но ты знаешь, как я отношусь к военным. Им сколько серебра ни дай, все на пули перельют и мало будет. Так вот все о том же, о кадровом вопросе – кому отдадим эстафету? Кто будет делить наше политическое наследие? Номенклатурщики на поверку кризисом оказались слабым звеном – продали все и вся. Военные... сказано «косточка», это костяк государства. Но военные...

– Думаешь, – по-своему трактовал заминку Черненко, – военные заведут страну в войну?

⁴ У Андропова были больные глаза диабетика, ему приходилось даже в помещении носить темные очки, предохраняясь от яркого света.

⁵ Имеется в виду «Ахзарит» – израильский тяжёлый бронетранспортер на базе захваченных у арабов советских танков Т-54 и Т-55.

– Отчего же? Никто, так как профессиональный военный не осознает и не понимает деструктивную составляющую войны. Знает не понаслышке слабые стороны собственной армии и сильные противника. Примером наш главный маршал Генштаба Огарков, который по должности должен быть «ястребом», однако, если помнишь, категорически выступал против ввода войск в Афганистан. И в других кризисных случаях. Вот только военный позвоночник для политики не годится, для политика нужна другая гибкость.

– Из структуры КГБ, – из уст поглядывающего на часы Константина Устиновича это прозвучало как предложение, – Крючков...

– Крючков – цепной пес. На уровень не тянет. Хотя, с другой стороны, какие его годы. А вы, я гляжу, спешите? – вдруг опять перешел на «вы» Андропов. – На время поглядываете?

– Так вы – таблетки, а у меня уколы по расписанию.

– Тогда минутку, – Юрий Владимирович нажал кнопку. На вызов явился секретарь, предоставив три сафьяновые папки серого цвета. Мелькнули золотистые буквы «совершенно секретно». Андропов выбрал из них две, протянув Черненко: – Вот вам еще работка. Я, право, не успеваю, зашиваюсь совсем. Лавров и Примаков. Отзывы что сейчас, что потом положительные. Товарищей надо двигать по служебной лестнице. Займитесь, пожалуйста, пока у меня других дел неуправляемый.

Дверь за Черненко закрылась. Перед Андроповым осталась лежать еще одна папка – раскрыв ее, он некоторое время изучал содержимое, и видно, что уже не впервой.

* * *

Мелодично «пропел» коммутатор, извещая о прибытии следующего заявленного посетителя. Им был начальник Первого главного управления КГБ Крючков.

Войдя и поздоровавшись, генерал-лейтенант цепким взглядом углядел, узнав штатное фото прилизанного офицера, чье «дело» лежало перед хозяином кабинета.

Андропов заметил интерес подчиненного, чуть отстранил от себя бумаги, подав вперед, словно предлагая к вниманию:

– Читал уже?

– Так точно, читал.

– Что скажешь?

– Продвинутый во власть как заведомо манипулируемый фигурант, Путин оказался истинным человеком системы, в итоге приняв всю тяжесть и полноту ответственности. Хм... либо правильные товарищи оказались рядом, кто видел порочность и пагубность текущей политики, кто дал правильное направление, пока новоиспеченный президент «плавал» в неопытности и неискусственности.

Андропов перелистывал дело, не особо задерживаясь на детальном прочтении:

– Для управления страной юридическое образование это хорошо, еще лучше экономическое, но это лишь часть необходимого. Главное для руководителя высшего ранга понимание политического момента и психология – умение разбираться в людях. Не так-то он хорош, этот деятель...

– Так что? – спросил после продолжительной паузы генерал-лейтенант.

– Не знаю. Пока на заметку. Присматривайте за ним.

* * *

Крючков ушел. А хозяин кабинета снова вернулся к так донимавшему его вопросу «престолонаследия».

«Вот как уходить, не решив проблему с достойным человеком на пост Генерального? Кого прочить на смену, кто станет преемником?»

Такая нетривиальная идея, как выдвинуть и продвинуть по линии власти постороннего варяга, человека из почти другого времени (речь шла о командире ТАПКР «Петр Великий» капитане 1-го ранга Терентьеве), и самому Андропову показалась диковатой.

Хотя некоторые аргументы Горшкова в пользу подобного политического хода (а именно Горшков был инициатором) содержали небезнадежные и перспективные смыслы.

Однако первые же попытки обсудить этот вариант с членами Политбюро вызвали бурю протестов и отторжения, чтонисколько не удивило.

И если «старцы» упрямылись и брюзжали, то «молодые», такие как Романов и Гришин, которые сами метили на пост генсека, восприняли подобное предложение в штыки, отвергая как «совершенно невозможное». Обоснование ими тут же торжественно было найдено – Терентьев был беспартийный.

Процедура вступления в ряды КПСС требовала подачи соответствующего заявления в свою первичную организацию (какую?) по месту службы, приложив рекомендации трех членов партии, знающих тебя по совместной работе не менее года (вот тут уж совсем...).

Впрочем, Андропов с высоты своего положения пока наблюдал за всем этим неожиданным накалом борьбы за власть, допуская, что при особой необходимости можно и миновать переходные ступени, выдав «красную книжечку» особым порядком. И тут же поправлял себя: «Тем самым превратив всю строгость партийных уставов в циничную формальность и фарс. Наверное, я мыслю по старинке и цепляюсь за прошлое. А как иначе?»

* * *

– Вообще-то они не советские люди, – отвечал на наводящий вопрос непосредственно Горшков (разговор был намерен), – правильной будет обозначить «уже не советские», это если говорить о капитане 1-го ранга Терентьеве и других старших офицерах, что родились в Советском Союзе, осознанно выбрали профессиональную военную службу, присягнув, однако уже успев пожить при капитализме, вкусив его «плоды»... правда и познав «оскал».

Еще одним фактором в «минус» я считаю либеральную пропаганду против СССР, социализма, муссирование всех ошибок, которые были допущены партией за все время правления... в том числе надуманных и приписанных. Во всем этом, вне всякого сомнения, вижу происки США и их союзников.

Андропов кивал – видел воочию, когда просматривал документальные фильмы на экране малогабаритного раскладного компьютера – ноутбука. Сопровождающий голос за кадром, а также ведущий фильм публицист – их оценка сегодняшних реалий, решений руководства СССР по той или иной проблематике вроде бы звучала и беспристрастно, но с явной подоплекой осуждения и очернения.

Тогда, после просмотра, Юрий Владимирович задал наводящий вопрос непосредственному свидетелю будущего мироустройства... Молодой офицер особого отдела с крейсера «Петр Великий» скорее вызвал положительную реакцию, эдакий оловянный солдатик единой школы КГБ... было в нем что-то такое, что выдавало «своего».

– Как же это ваша ФСБ допускает подобную западную пропаганду?

– Здесь не столько пропаганда, товарищ генеральный секретарь. У нас там полагают, что это контраргументные мнения. Критика, нередко объективная. Простите.

– Объективная? Подтасовывая факты? Воистину история всегда была гибкой дамой, если мягко о ней. Насколько я понял, у вас там легкий доступ к информации, и каждый может, особенно неокрепшая молодежь, поддаться антиправительственному вражескому разложению.

– Не без того. Я регулярно слушал оппозиционные радиоканалы.

– Зачем? По долгу службы?

– Всегда необходимо знать, что замышляет враг. Иной раз слушаешь – наглядное, неприкрытое вранье, переворачивание с ног на голову, но... плюешься и слушаешь этих упырей от политики, проплаченных Госдепом журналистов и прочих либералов всех мастей.

– Всех мастей?

– Вплоть до музыкантов, писателей – все лезут со своим особым мнением. Некоторые записали себя в маститые политологи и прочие завзятые историки.

Воспоминания прервал деликатный стук в дверь – секретарь принес какие-то бумаги. Андропов кивнул, даже не взглянув в отчетную документацию, снова обратился к Горшкову:

– Какую оценку дадите действиям командира, офицеров, как и всего экипажа крейсера?

– С боевой точки зрения – высокую! Практически безупречное применение собственных навыков и вверенного оружия. Имели место быть лишь незначительные просчеты – например, с абордажем американского подразделения «Дельта». Здесь вижу неверную оценку и упреждение вражеской атаки. Ее вообще можно было не допустить. А вот что касается общего владения обстановкой и действий по обстановке с самого начала, здесь бы я указал на серьезную ошибку. А также на непонимание геополитических приоритетов. Когда командир и старшие офицеры корабля сообразили, «где и когда» они оказались, прекрасно понимая, что являются носителями научной и стратегической информации, с новейшими для данного времени образцами вооружений, они поддаются на провокацию, авантюрно ввязываясь в совершенно ненужные боевые действия.

– Может, у них помутнение при переносе произошло?

– Мы имеем дело с исключительным и невероятным случаем. Но, честно говоря, окажись я подобно им не в свое время... тут признаюсь, трудно представить равноценную аналогию, но почему-то сразу идет на ум «Дмитрий Пожарский» – крейсер 68-го проекта против... в общем, окажись я на мостике современного артиллерийского корабля, например, против отряда крейсеров Хохзеефлотте в Первую мировую войну, а радиосвязь в лучшем случае морзянка с имперским Петербургом, а точнее с базой в Либаве. И ты для них, для золотопогонников, непонятно кто – какой-то советский крейсер, пусть и с исконно русским названием... Словом, командир и команда «Петра» с честью вышли и, главное, довели корабль, сумев навалить и англичанам и американцам.

А мы ко всему имеем бесценный опыт применения вооружения крейсера, лишь ненамного опережающего наше время, а также не менее ценный анализ боевых возможностей вероятного противника... Здесь особенно опростоволосились американцы. И что приятно, ребята вставили им по самые помидоры! Будет урок империалистам – их АУГи без того старались наши ракетные корабли стороной обходить, а сейчас так и вовсе шарахаться станут даже от «ноночек»!⁶

– Сергей Георгиевич, но ведь ваше мнение немного изменилось. Именно в личностных характеристиках, в моральной оценке «людей из будущего», относительно интеграции их в наш социалистический строй, общество. Вам довелось общаться не только в профессиональном ключе, но и в доверительной, бытовой обстановке, под рюмку-другую. В первую очередь меня это интересует в контексте введения Терентьева в аппарат власти. Актуальность сохраняется, с вашей точки зрения?

⁶ МРК (малые ракетные корабли проекта 1234) по классификации НАТО носят обозначение Nanuchka – это кодовое тактическое название является непереводимым. Натовские мастера-ономастики, видимо, выдрали его из русских уменьшительно-ласкательных «Ноночка» или «нянюшка», так как кораблик маленький, всего около 700 тонн водоизмещения.

– Вы правы. Пока мы общались в военно-морском пространстве: корабль, мостик, рубка, БЧ, причал, база – восприятие было одно. Сейчас «пообтесавшись» здесь в Москве, я вижу, что человек немного иначе смотрит на многие вещи. На нашу советскую действительность.

Основной тезис, как я понял с его слов: «Так жить нельзя!» Предложение продолжить карьеру на другом уровне, он категорически отверг, заявив, что «совсем не вписывается в партаппарат», что он моряк и «на царя его не учили»!

«Да, – уже после ухода главкома ВМФ соглашался, рассуждая, Андропов, – наблюдающие и работающие с пришельцами специалисты, в том числе по физиогномике, заметили, что у Терентьева отношение к партии, даже к партийной лексике, резко отрицательное. Тут Сергей Георгиевич прав – либеральная пропаганда сделала свое черное дело. Поэтому пускать во власть такого человека – его либо сожрут... тот же Гришин или Романов. Или же он сожрет их, если удержится на вершине и успеет собрать команду единомышленников. Но сожрет вместе с партией».

Личная встреча самого Андропова с капитаном 1-го ранга Терентьевым оказалась короткой и скомканной. На время назначенной аудиенции генсек вдруг почувствовал легкое недомогание, что помешало трезвой оценке и собеседника, и всего содержания.

Ко всему уже составленное мнение помощников о человеке наложило определенную предвзятую «тень».

Офицер стоял в советской флотской форме, на взгляд – моряк и моряк, ровно вытянувшись, но без усердия, без «прогиба», как говорят военные. И во взгляде улавливалось что-то такое – любопытство, но уважения особого не заметил... по крайней мере, так показалось. Будто он, Андропов, уже списанный историей материал. Поэтому беседа была сжатая, не дельная, не детальная.

И больше встретиться с командиром «Петра Великого» генеральному секретарю не удалось.

События закрутились, понеслись вскачь – внешнеполитические (последствия арабо-израильской войны, стычка с американцами на Дальнем Востоке) и внутренние...

Андропов, тогда вдруг получив в свои руки невероятный инструмент познаний, хотел немедленно замахнуться сразу на структурные политические изменения – это была эйфория от первичных ощущений возможностей:

– Когда знаешь многое наперед, стратегичность мышления выходит на иной уровень!

И буквально «погрузился с головой в информационное море», что глядело на него с экрана ноутбука. Впрочем, не особо поражаясь, что сотни тысяч метров киноплёнки, кипы бумажных документов поместились в столь малый объем электронного устройства.

Как сам подметил:

– И ты как ученик, которому дали в кратчайший срок изучить материал сразу за несколько классов вперед, да еще и с возможностью корректировать, переписывать темы школьной программы.

Мысленно добавил: «Однажды история нам уже поставила неуды».

Объем цифровых данных, полученных стараниями лейтенанта-особиста «корабля из будущего», был в такой мере большим, что пришлось создать целый отдел обработки и анализа.

Дальше – больше: в информационном пакете затрагивалось столько сфер, что немедленно возник ряд подразделов, рассматривающих темы не только военного назначения, но и вовсе залегающих в совершенно немыслимые дебри. Например, таких, как «тенденции музыкальных мод» или «тематического развития кинематографа».

На рассмотрение взяли все, не брезговали ничем.

Тем не менее, несмотря на умеренно растущий штат помощников, все основополагающее непременно проходило через кабинет Генерального.

Вот и сейчас вместе с чаем секретарь принес очередную стопку документов, подготовленных к просмотру.

Бегло просмотрев заглавные страницы, отодвинув все папки на край стола, Андропов задержал одну, пробормотав:

– Проклятые арабы.

Дело было более чем двухмесячной давности.

Когда на одном конце света – на Тихом океане – разворачивалось противостояние тяжелого атомного крейсера «Петр Великий» с соединениями американского флота, на вечно беспокойном Ближнем Востоке разразилась очередная жестокая бойня.

В «Войне судного дня» арабо-израильского конфликта 1973 года (при исходном проигрыше арабской коалиции) евреи потеряли много своих самолетов. В основном от новейших советских комплексов «Квадрат» и «Куб».

Тель-Авив посчитал такие жертвы неприемлемыми, подойдя к делу реванша в 1982 году комплексно. Во-первых, имея трофейные советские ЗРК, евреи получили наглядное представление об их возможностях. Во-вторых, они сумели «снять» необходимые характеристики новых зенитных комплексов, производя заведомые разведывательно-демонстрационные пролеты специализированной авиации вдоль сирийских рубежей. В-третьих, используя средства разведки: оптико-визуальной, электронной, космической (не без участия американцев), зафиксировали места дислокации сирийских дивизионов ПВО.

В итоге 9 июня 1982 года Израиль нанес хорошо спланированный ракетно-бомбовый удар по сирийским позициям в Ливане. Следом в течение недели происходило масштабное сражение в воздухе, где с обеих сторон участвовало не менее двухсот самолетов.

В результате обученные советскими специалистами, вооруженные техникой, поставленной из Советского Союза, сирийцы потерпели катастрофическое поражение! Что имело не только военные, но и весомые пропагандистские последствия!

Прежде чем Генштаб организовал спецкомиссию и сделал свои выводы о причинах военного провала, Андропов созвал экстренное совещание в ЦК КПСС, посвященное разбору прошедших в Ливане боев. И уже обладая только-только поступившей информацией с «Петра Великого», устроил убийственный разнос воякам.

Устинов, припертый фактами, отделаться своим «Техника прекрасная! Солдаты у них хреновые» уже не мог!⁷ Но конечно, оправдывался, как мог, обвиняя и арабов в неумении воевать, и израильтян в пропагандистской лжи.

Генеральный настаивал на своем:

– По совокупности прецедентов, оружие, оперативное и тактическое искусство советской военной школы оказалось дискредитировано.

На самом деле Андропов, опираясь на знания будущего, предлагал кардинально пересмотреть стратегию по ближневосточным позициям вообще и по арабским союзникам в частности:

– Мне такая разорительная дружба с Сирией видится сомнительной и малоперспективной.

Воспротивились, конечно, военные (быстро оправались от «генерального» разноса).

В этот раз даже Огарков, который в отношении присутствия советских войск на Ближнем Востоке имел колеблющуюся позицию, высказался за продолжение кампании:

⁷ Фраза, брошенная министром обороны на пленуме ЦК КПСС по факту жалоб сирийцев на плохое качество советской военной техники.

– Сколько уже было вложено... – (тут без мата не обошлось), – уж поставили на сраную «арабскую лошадку»... – (снова риторически-матерная подпитка), – теперь эту «песню из слов» не выкинешь, мать ее раз так!

– И Горшкову нужна база для флота, – подписывался Устинов.

В целом из загляда в будущее можно было сделать более-менее утешительный вывод: до девяностых годов (до прихода Горбачева) баланс сил на ближневосточном узле удалось соблюсти на положительном (в пользу Сирии) уровне. Израиль (как главный региональный союзник США) оказался не в самом завидном положении перед арабскими вооруженными силами, нарастившими свою мощь. Понятно за счет кого.

– Вот я и говорю, – категорично вещал на закрытом собрании генсек, – какой ценой и сколько было вбухано в эту арабскую бездонную бездарную бочку! И что мы получили взамен?

То, что удалось получить флоту, и полноценными базами не назовешь – пункты базирования, пункты материально-технического обеспечения. Отдавать оружие по символическим ценам считаю более немыслимым. Нужна конкретика. Поставить Хафезу Асаду⁸ вопрос с однозначным ответом «да» или «нет». Если «нет» или начнет опять, как обычно, юлить – все! Мы уходим, оставив его один на один с Израилем. На этом фоне стоит еще и запустить дезинформационный слух о наших переговорах с Тель-Авивом. Тем более уже известно, что этот подлец пытается наладить сношения с США, обещая изменить свои внешнеполитические позиции.

Тем не менее, когда 26 июня Хафез Асад прилетел в Москву – просить оружия, транспортные суда с новой (прямо с заводов) боевой техникой и специалистами, уже были практически готовы. Однако условия президенту Сирии советская сторона выставила жесткие. К тому времени решение об отправке боевой техники морским путем на Средиземноморье принималось в сопутствии с другой операцией, проводя параллельно переговоры с делегацией другой воюющей страны.

И сейчас Андропов просматривал эти материалы именно по этому поводу, оценивая список заказа и общую сумму сделки.

Если на Сирию шло ограничительно оборонительное оружие (поумерить пыл воинственных арабов – все одно огребут от евреев), то новоиспеченные эксплуатанты закупали в основном наступательные средства.

Через три дня, 29 июня, транспорты покинули черноморские порты, взяв курс на турецкие проливы. Спустя 72 часа (трое суток) они уже стояли под разгрузкой в порту Латакии. Кроме одного – сухогруз-твиндекер «Физик Курчатов» оставался на рейде, якобы в паузе очережности.

Наконец, дождавшись своего часа, получив подтверждающую шифрограмму, газотурбоход снялся с бочки, покидая территориальные воды Сирии и направляясь на выход из Средиземного моря.

В сопровождение ему был выделен БПК «Керчь», с приказом командиру «вступить в управление и обеспечить оперативное прикрытие по маршруту».

В грузовой декларации и адресе доставки «Курчатова» значился порт Луанды. Ангола.

Кремль. Сентябрь

На фоне недавнего досрочного разноса, касающегося итогов арабо-израильской войны от 9 июня текущего 1982 года, сегодняшнее совещание, в том числе с участием командования ВВС и некоторых руководителей оборонных заводов, проходило в более положительном ракурсе.

⁸ Президент Сирии с 1971 по 2000 год.

– Задачи, вставшие перед партией, перед страной и народом... – Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов сделал тяжелую паузу... понимал и чувствовал – не с того начал.

К этому выступлению Юрий Владимирович готовился по-особенному, в то же время ощущая торжественное спокойствие происходящего.

Сегодня на повестке дня стояли приоритеты и перспективы космической программы СССР. Это была лишь малая часть из того, что надо было сделать по ряду направлений в промышленности, в экономике, по социально-политическим вопросам, не говоря уже о внешне-политических.

«И как бы это сомнительно ни звучало – определить общий курс, дать правильную установку, в конце концов. Успеть до той роковой поры, когда для тебя уже все кончится», – мысли, подобные последней, Андропов научился пропускать уже без горькой усмешки.

Космическая отрасль (как и авиационная) вбирала в себя самые передовые технологии и разработки, поэтому генеральный секретарь решил уделить этому вопросу особое внимание.

Первым делом это касалось МТКС⁹.

После ознакомления с будущими неудачами, а по сути, провалом американской программы «Шаттл», участь «Бурана» становилась предрешенной... несмотря на уже потраченные народные деньги, проведенные гигантские работы и практически готовые эскизные изделия.

Думалось, что теперь-то высвободятся огромные финансовые и людские резервы. Но не тут-то было.

Сам не вникал – в цейтноте последних дней на то, чтобы влезать в какие-то технические подробности, просто не было времени. Дело вел назначенный помощник из управления «И»¹⁰.

Молодой офицер, ответственный непосредственно за космическое направление, досконально перебрал необходимые предоставленные материалы, озвучив предварительный вердикт.

Конечно, тут требовалась и подробнейшая консультативная работа с профильными специалистами.

Естественно, не привыкший всему доверять без личного ознакомления, Юрий Владимирович попросил ознакомить и его с основными фактами и ссылками.

Определенное удобство было в том, что в «статьях из будущего» авторы, освещая катастрофы американских челноков, давали свое альтернативное мнение и видение проблематики. Возможно, что и предвзятые, но подборка документов была из нескольких источников, опиравшихся на достоверные данные и разные взгляды.

Вот тут и всплывали названия – «Спираль» и «Молния»!¹¹ Уже известные сейчас, поскольку являлись заделом этого времени!

Найдя взглядом тех, кто непосредственно занимался многоразовой космической системой «Энергия – Буран»: двух главных конструкторов – Семенова и Лозино-Лозинского¹² (также присутствовал кое-кто из смежников – уже сейчас над проектом работало больше тысячи предприятий страны), отпив для паузы из стакана, Андропов заговорил снова, опуская встопытельную «шапку»:

– Надеюсь, все вы предварительно ознакомились с источниками. Фотографиями. И другими фактами.

(С какими именно, уточнять не требовалось – папки перед присутствующими были раскрыты на нужных страницах.)

⁹ МТКС – Многоразовая транспортная космическая система, в разработке Советского Союза – «Энергия – Буран».

¹⁰ Управление «И» – компьютерная служба в ПГУ (первого главного управления КГБ).

¹¹ «Спираль» – проект аэрокосмического истребителя-перехватчика-бомбардировщика. «Молния» – проект небольшого крылатого корабля, оснащенный подвесным баком, запускается с самолета-разгонщика.

¹² Семёнов Юрий Павлович, НПО (научно-производственное объединение) «Энергия» – разработка ракетносителя. Лозино-Лозинский Глеб Евгеньевич, НПО «Молния» – непосредственно проектирование «Бурана».

– Как видите, товарищи, оказалось, что система тяжелого многоразового космического корабля на поверку временем имеет отрицательную устойчивость. Предположу, что и нас ждали катастрофы, подобные тем, что произошли у американцев, – генсек поморщился, поминая иную, более глобальную для страны катастрофу, – но будем учиться на чужих ошибках. В связи с чем проект транспортного корабля «Буран» предлагаю закрыть.

– А ведь красивая машина получилась, столько трудов... – уловив паузу, слегка простуженным голосом пророкотал Семенов.

– Но дорогá и не без недостатков, – поправил Андропов, – под этот корабль сейчас задач нет кроме военных. И эти задачи решить можно и менее затратными способами.

– Товарищи, – вмешался министр обороны Устинов, – договоров о демилитаризации космоса никто еще не подписывал. Не рискуем ли мы этим отступлением назад спровоцировать противника? Американцы станут развивать свою программу СОИ¹³. И что? Чем ответим?

Видимо, этот вопрос был уже заранее согласован – очень уж споро Андропов задал свой:

– Глеб Евгеньевич, ваша «Спираль»? Мы же знаем, что вы продолжаете работы в этом направлении. Как сравнительно дешевое средство сдерживания агрессивных намерений американцев, вы сможете довести ваш авиационно-космический проект с орбитальным самолетом до серийной стадии?

И на этом моменте можно было наблюдать полное взаимопонимание и понимание ситуации – люди собрались неглупые, выданные секретные материалы уже потенциально содержали в себе ответы и общие направления. И фамилия Лозино-Лозинского там встречалась неоднократно. А потому генеральный конструктор лишь утвердительно и благодарно кивнул.

Приняв эту данность, Андропов продолжал вещать, как запланировал:

– Гонка вооружений в космосе рано или поздно прекратится... Особенно если американцы поймут, что на их непомерные капиталовложения мы будем отвечать эффективными, но на порядки дешевыми средствами. «Спираль» – это боевая машина, можно сказать, москитный аэрокосмический флот против американских «дредноутов» – «колумбий» да «челленджеров».

Но уже сейчас, товарищи, надо заглядывать в будущее. Может, вы сами расскажете, Глеб Евгеньевич, о вашей «Молнии»? Некоторые товарищи не совсем представляют, о чем пойдет речь.

Глеб Евгеньевич Лозино-Лозинский, сухопарый, с испещренными морщинами лицом – ему было уже семьдесят два года. Говорил он неспешно, негромко:

– Можно я сидя... – и не дожидаясь разрешения, не прибегая к конспектам, дал сжатую ремарку: – Одноразовые носители показали себя надежными и неприхотливыми средствами вывода на орбиту. Но это топтание на месте. Надо двигаться вперед, и решение мной... нами выбиралось из соображений целесообразности и эффективности. Наша новая проектная разработка является логическим продолжением уже озвученной «Спирали». Это орбитальный самолет, либо приятней на слух – космический ракетоплан «Молния»!

Многофункциональная или, правильней сказать, многоцелевая авиационно-космическая система, по аббревиатуре – МАКС.

Основной концептуальный вариант: орбитер с отцепляемым топливным баком стартует в космос с самолета-носителя на высоте восемь-десять километров. Имеет ряд несомненных достоинств. Это уже и грузовой корабль, позволяющий выводить на низкую орбиту до семи-восьми тонн полезного груза, при очень малой себестоимости. Цена в десять раз меньше, чем у всех ныне существующих ракетопланов.

Здесь мы можем рассчитывать, что менее габаритная и по массе система будет более устойчива к эксплуатационным нагрузкам и деградации. Опять же, американский опыт с шаттлами наглядно показывает возможные слабые места повторного использования узлов, подверг-

¹³ СОИ (Стратегическая оборонная инициатива) – «звёздные войны».

шихся критическим нагрузкам. Добавлю, что старт с самолета-носителя и с военно-стратегической стороны предпочтительней – нет зависимости от стартовых площадок. Базирование всего комплекса обходится обычным аэродромом первого класса, дооборудованным лишь специальными средствами заправки компонентами топлива.

«Буран» откровенно жаль, товарищи, грандиозная машина, но на базе его наработок, используя уже апробированные технологии, ввести в дело новую систему сможем сравнительно скоро.

Возникла небольшая заминка, но вскоре многие из присутствующих пожелали высказаться. Некоторых руководителей ОКБ волновало, как отразится переориентирование приоритетов в космической программе на их предприятиях. Да и конкуренция между конструкторскими бюро всегда имела место быть.

В присутствии главы партии и государства обсуждения и споры велись на пониженных тонах, однако совещание затянулось до обеда.

– Мое видение общих положений таково, – промежуточно подводил Андропов, – как летали «Союзы», «Протоны», так и будут. Первое и пятьдесят второе ОКБ без работы не останутся. Я опираюсь на мнение экспертов.

– Исключительно и полностью согласен! – присоединился к мнению генерального секретаря министр машиностроения (он же ведающий и всей космической отраслью), – яйца в одну корзину складывать не станем. Развивать перспективные направления, конечно, надо, но и не будем забывать, что лучшее – враг хорошего. И по «Энергии» – пусть после отставки «Бурана» в большом ракетном носителе особой необходимости и не будет (для строительства той же орбитальной сегментированной станции можно обойтись «Протонами»), но как средство вывода на орбиту тяжелых грузов «Энергия» самый оптимальный носитель.

– Хочу вот еще попенять руководству НПО «Красная Звезда», – Андропов увидел сидящего в конце стола директора объединения Грязнова, – военно-морские силы очень положительно отзываются о «Легенде»¹⁴. Но то, что сейчас имеем, никуда не годится! Вся планета трясется в страхе, опасаясь, что им на голову свалится ядерный реактор! Но почему я это говорю. Судя по имеющимся данным, разработка вашим предприятием новой установки «Топаз», где используется... – На этом моменте генсек заглянул в конспект. – Где используется термоэмиссионный преобразователь тепловой энергии реактора в электрическую, станет перспективой для создания космических буксиров на ядерно-электрической тяге. А это ни много, ни мало, товарищи, делает доступными и практичными полеты на Луну и...

В общем, это дело далекого будущего, которое вот неожиданно заглянуло к нам, став не таким уж и далеким. По сути, отныне даже орбитальная станция не будет рассматриваться как приоритетное направление, а в большем становясь перевалочным объектом по пути к Луне и далее. Фундаментальные космические исследования подразумевают полеты и на Марс... да-да, товарищи, я не оговорился, и к другим планетам Солнечной системы!

– И товарищ Феоклисов Константин Петрович занимался подобным проектом – на ядерной тяге, – напомнил Лозино-Лозинский.

– Ну, вот видите... Пусть я далек от романтики, и меня как руководителя партии и страны волнуют более насущные проблемы, но исходить надо из логики прогрессии.

– Это мечта Королева! – снова тихим голосом проговорил Лозино-Лозинский. – Марс!

– Да-да! – возбужденно подхватил кто-то из присутствующих. – Первыми! Раньше американцев! Докажем преимущества социалистического строя!

– Не думаю, что так уж надо гнаться за быстрым результатом. Нас по-прежнему держит дисциплина конкретики близлежащих и сбыточных целей настоящего, в ущерб перспективного будущего. Упоение космосом прошло не вчера, а даже раньше. Теперь время прагматики.

¹⁴ «Легенда» – система глобальной спутниковой разведки и целеуказания.

К такому делу следует подходить основательно и дальним заделом. Сначала наберемся опыта при строительстве орбитальных станций, беспилотных межпланетных аппаратов...

Андропов откашлялся, снова потянулся к стакану с водой:

– ... Честно говоря, снимки с марсианской поверхности, сделанные американскими марсоходами, оптимизма не внушают – безжизненная пустыня. Конечно, робот не сможет провести исследования так, как это сделает человек. Но уж во всяком случае, затратив такие усилия, добравшись в такие дали, высадившись на другую планету... отметить, поставить флаг и улететь, не удивившись новыми открытиями, было бы непростительно.

* * *

Вторая серия, если это так можно назвать, кремлевских совещаний, посвященных «летающим» предприятиям страны, произошла на следующий день. Дождалась своего часа «авиация» – за длинным столом локомотив советского авиапрома: представители КБ Микояна, Сухого, Туполева, Ильюшина. Руководители других конструкторских бюро.

К совещанию подключились смежники – «двигателисты», «ракетчики», ведущие инженеры по радиоэлектронике.

«Милевские» и «камовские» заводчане также присутствовали, но вертолетную тему было решено обсудить отдельной графой, отложив еще далее – на завтра.

Начал Андропов, снова болезненно пройдясь по неудачам сирийцев в небе над Ливаном, а по факту – неудачам «Мигов» и «Сухих»:

– При всей неоднозначности освещения событий и победных, наверняка завышенных реляций Тель-Авива, я вижу одно – господство в воздухе они бесспорно захватили. Можно сколько угодно винить неумелых арабов, но я требую подойти к проблеме со всей серьезностью! Военных – к внедрению новых оперативных и тактических приемов! Конструкторов – к усовершенствованию боевой техники. Тем более что у нас теперь есть взгляд на перспективы и тенденции. Прошу...

Появилась на свет «пища для рассмотрения и соображений» – вынимаемые из папок фото «Рапторов», F-35 «Лайтнинг», ПАК ФА Т-50. Убористые распечатки всяческих заявленных ТТХ. Отдельной графой шли данные по применению и локализации амбициозного «невидимки» F-117.

Встречались некоторые виды беспилотников.

К сожалению, фотографии и схематические изображения давали лишь концептуальное представление. В «гостинцах из будущего» на подобные – новейшие, а потому секретные боевые – машины никаких особых технических подробностей не было.

Надеялись, что можно будет встряхнуть для изучения что-то из боевой начинки «Петра Великого» – здесь в основном заглядывались на средства радиоэлектронной борьбы, систем наведения и локаций. Специалисты профильных предприятий уже давно скатались «туда – обратно», отбыли на Дальний Восток, и некоторые успели вернуться с демонтированными «подарками».

Андропов лишь высказал, что сейчас надо определиться с общими планами, а узкоспециализированные частности пусть решаются на профессиональном уровне в проектных кабинетах и производственных цехах:

– Тридцать лет не такой уж и большой срок, но мы видим успешную линейку развития боевых машин Микояна и Сухого. Единственное, хочется обратить внимание на несправедливо забытый самолет, сейчас востребуемый по заказу флота, – речь идет о палубном истребителе вертикального взлета и посадки с заявленными высокими сверхзвуковыми характеристиками.

При этом генеральный секретарь выразительно посмотрел на Устинова – именно министр обороны всегда ратовал за данное направление в авиации. Сейчас его настойчивость стимули-

ровало, видимо, еще и то, что это был не какой-то там недоступный с картинок ПАК ФА, а вполне осязаемый и реализуемый проект, разрабатываемый конструкторским бюро Яковлева непосредственно сейчас.

– А давайте-ка я... – поправил очки Устинов. Без какого-либо укора, скорей даже извинительно кивнув представлявшему ОКБ Яковлева инженеру-авиаконструктору Александру Александровичу Левинских, который, кстати, непосредственно и занимался направлением СВВП, министр заявил прямо: – Будем честными, Як-38 в сравнении с английским «Харриером» – жалкое подобие. Конечно, можно говорить, что порочна сама концепция самолета вертикального взлета, который по характеристикам всегда будет хуже классической схемы. Однако это не мешает британской «вертикалке» оставаться в строю и в двухтысячных годах.

Я тут полистал, поштудировал на досуге и считаю: несмотря на нелестные отзывы об американском аналоге F-35, по известным причинам¹⁵ крайне похожем на перспективный проект «Яка», подобного класса машины вполне займут свою нишу. Применение такому самолету всегда найдется. Потому вытекает логичный вопрос: нельзя ли как-то ускорить разработку и выпуск этой самой новой машины – Як-141?

Вот товарищ Левинских жалуется, что у них все упирается в главную силовую установку – подъемно-маршевый двигатель с поворотным соплом, а двигателисты – НПО «Союз» – работы приостановили, так как переориентированы на приоритетный заказ по крылатым ракетам, спущенный Минобороны. Предлагайте, товарищи, как можно решить проблему и ускорить процесс. Тем паче что развитие концепций УВТ, то есть управления вектором тяги, не менее приоритетное. Высокотехнологичные боевые истребители будущих поколений практически все снабжены подобным устройством.

А «тридцать восьмой» – пусть и не самый удачный, что ни говори, дал нам бесценный опыт эксплуатации. Вот и Сергей Георгиевич говорит...

Сергей Георгиевич Горшков присоединился к совещанию вот только что, прибыв военным бортом с Северного флота. Доклады генеральному секретарю оставил на потом, присев в сторонке, слушая молча, но к теме «вертикалок» присоединился:

– Я поддерживаю. Полноценных авианосцев у нас еще пока нет. Палубные самолеты под взлет с трамплина только вынашиваются. Как временная мера, а также для обеспечения ПВО морской группы кораблей или соединений, сгодятся и «Яки». Главное не ждать от этих машин адекватности классическим самолетам, понимать их специализированные тактико-технические характеристики и специфическое боевое применение. И не только во флоте.

Хочу донести еще об одном немаловажном факте, товарищи. Уже сейчас просачивается информация об успехах британской палубной авиации в Фолклендском конфликте. Большинство сбитых аргентинских самолетов пришлось на долю именно «Харриеров». Так, например, английские пилоты использовали изменение вектора тяги, как преимущество для резкого маневрирования, дезориентируя головки самонаведения ракет противника. Это, несомненно, вызовет рекламный интерес и спрос.

Известно – индийцы готовы будут закупить эти британские машины для себя. Почему бы нам не показать самолет лучше, перебив контракты? Вот тут у меня сводки по потерям-победам в Фолклендах, описание тактических приемов, если кому будет интересно. А вот рапорты-отчеты наших летчиков авиагруппы ТАКР «Минск», что прикрывали «крейсер-пришелец», – у них появился, пусть не совсем полноценный, но сравнительно реальный боевой опыт в стычках с «Фантомами». Есть замечания и предложения. В том числе по взлету с укороченным разбегом.

¹⁵ Причиной в какой-то степени является сотрудничество «Локхид Мартин» с КБ Яковлева – американцы выкупили или переняли какие-то технологии не пошедших в серию русских машин.

Тонкая пачка листов пошла «гулять» по столу... Больше ею, конечно, заинтересовался инженер ОКБ Яковлева и главный маршал авиации.

Устинов же склонился Горшкову:

– Когда, говоришь, индийцы будут договариваться с англичанами?

– Контракт вроде бы должен будет подписан в 1986 году.

– Хэк, – крикнул Дмитрий Федорович, – это ж тогда желательные показательные выступления новой «яковлевской» «вертикалки» провести уж в восемьдесят пятом. Эх-хе-хе, не успеют наши.

И уже громко высказался, привстав для внимания:

– Значит так, товарищи инженеры и конструкторы. Ресурсы, включая людские, выделим, мощностя и полигоны предоставим! Кого надо – простимулируем премиями... по завершении. Так что ставлю задачу – надо чтобы к 1985 году как минимум предсерийные образцы были представлены на полноценные летные и боевые испытания. И чтобы новый «Як» хваленые «Харриеры» обошел по всем показателям.

Министр стукнул кулаком по столу, огласив в свойственной ему грубой и не терпящей возражений манере:

– Вот прямо сейчас и начинайте кумекать... с планирования – где, что и как!

* * *

По окончании научно-производственной части, когда схлопывались закрываемые папки, задвигались стулья, еще слышались краткие обмены мнениями, пожимались руки и приглашенные лица стали расходиться, двое военных – адмирал и маршал – отошли в сторонку перекинуться «парой фраз». Затем и вовсе присели (в ногах правды нет), по затянувшемуся разговору... два уже немолодых, за семьдесят, человека.

– Корабль под СВВП для индийцев тоже будем?

– Что будем? – не сразу понял Устинов.

– Индия у британцев не просто так самолеты закупит, а вместе с авианосцем, – пояснил Горшков, – а нам? «Кречеты» я не отдам. Остаются «первенцы» – противолодочные крейсера «Москва» или «Ленинград»¹⁶. Но опять же – на них палуба только под вертикальный взлет, без каких-либо экономящих топливо коротких разбегов. Сейчас на Фолклендах Королевский флот использует под «Харриеры» вплоть до переоборудованных контейнеровозов. Им не до жиру.

Но этот нетривиальный ход обязательно следует учесть и взять в обработку! Можно с таким же успехом базировать авиакрыло (в пару-тройку «вертикалок»), размещая на неприспособленных под такое дело... м-м-м... да, например, на наших больших десантных кораблях. Вот только нормальную инфраструктуру обслуживания самолетов туда не впишешь, да и малы все же они. БДК проекта 1174 вмещает всего четыре вертолета. Если их заменить «яками», едва всунем...

– Да погоди загадывать, – озадачился Устинов, извлекая и возвращая обратно пачку сигарет, – во-первых, скорей всего индусы все же предпочтут «Яку» зарекомендовавший себя в войне обкатанный временем «Харриер». У нашей новинки «детские болезни» будут вылезать еще не один год. Во-вторых, эта британо-индийская сделка – о каком авианосце речь?

– Судя по данным – «Гермес»... если аргентинцы там его под финал не раздолбают.

– Вот и я о том же. Вмешательство «Петра» в ход англо-аргентинской войны продолжает сказываться. Мы тут сравнивали даты – на Фолклендах все уже как два с лишним месяца должно было закончиться, а у нас... в смысле у них, продолжают вялотекущие боевые дей-

¹⁶ «Кречет» – авианесущие корабли проекта 1143. Противолодочные крейсера-вертолётоносцы проекта 1123 «Кондор».

ствия с обоюдными потерями. Ни те, ни другие уступать пока не собираются. Обе стороны поизносились – и на материальные ресурсы и на боевой дух. Однако у англичан имеется постоянная подпитка от американцев. И официальная, и неафишируемая.

Ленд-лизовский вертолетоносец «Тараву» аргентинцы комбинированным ударом с воздуха и из-под воды сумели вывести из строя. Спутниковые фотографии показали его стоящим рядом с покалеченным «Инвинсиблом» в бухте Южной Георгии, в тесном контакте с еще каким-то судном. Очевидно плавмастерской, что вполне предполагает возвращение корабля в строй. Но по данным разведки, американцы сами готовы принять его в ремонт. А также янки гонят с Тихого океана на замену или усиление еще одну посудину – универсальный десантный корабль «Сайпан».

– Еще бы – «дело Британии правое, и она для нас более важный и близкий союзник», – адмирал процитировал просочившееся в газеты заявление СНБ¹⁷.

– Вот-вот. Аргентинцы разобиделись, вышли на наш МИД и торгпредства. Сейчас прописываются (или уже прописали) контракты на возобновление льготных поставок зерна и мяса в обмен на помощь оружием. Довеском урегулировали разногласия в зонах рыбной ловли.

В Вашингтоне отреагировали тут же – подняли вой во всех мировых агентствах: «СССР – подогреватель войны». Снова взбаламутили ООН за скорейшее заключение мира...

Ты пока «Петром Великим» занимался, то на Дальнем Востоке, то по северам катался, у нас тут наметилось «большое не наше дело»!

– Да-да, – подхватил Горшков, – отреагировали вы на удивление быстро – судно, газотурбоход «Физик Курчатов» с военной техникой, как мне доложили. Но тащиться морским транспортом в такую даль в тех сроках доставки... Я, честно говоря, думаю, дело тупо закончится раньше, чем хоть что-то успеют ввести в оборот. Сюда же добавить время на переучивание аргентинцев на новые системы...

– Не без того, – все же сподобился на сигарету Устинов, пуская дым, – англичане уже закрепились на островах, выкурить их оттуда будет стоять многой латинской крови. Тут главное наших ребят не подставить под удар. В принципе, если Буэнос-Айрес сумеет и дальше затянуть противостояние, у Хунты вполне и выгорит. Для простых англичан это война у черта на куличках. Война неудачная. В Великобритании экономические неурядицы. Для кабинета Маргарет Тэтчер это может закончиться скандальной отставкой. А там... новое правительство и стол переговоров.

Аргентина не в лучшем положении. И прежде всего, и по-прежнему, мы должны предвидеть, что Хунта первая сдаст позиции. Галтьери сменит другое руководство¹⁸.

Такое развитие событий взято в расчет. Минфином создана специальная комиссия по торговым и платежным соглашениям с Буэнос-Айресом... Надеюсь, они правильно оценивают обстановку и вероятности, и все там будет как положено – неустойки за разрыв контрактов и прочую бухгалтерию. От Аргентины основной заказ прошел от армейцев и авиации. Из мелочевки – переносные зенитные ракетные комплексы, приборы ночного видения. Из крупного – подвижные зенитно-ракетные комплексы...

– Несмотря на разгром ПВО Сирии? – удивился адмирал. – Ведь евреи наверняка по своему опыту передадут англичанам наработки.

– Не напрямую. Скорей всего через американцев. В службе контрразведки уже предложили слить дезинформацию, что мы спихнули Аргентине все устаревшее...

– А на самом деле?

¹⁷ Реальное заявление, сделанное СНБ (Совет Национальной Безопасности) США в самом начале англо-аргентинского конфликта.

¹⁸ Вице-адмирал Леопольдо Галтьери Хуан Хосе Ломбардо – диктатор Аргентины, глава Хунты.

– А на самом деле выдали все новейшее, включая С-200. Все те же ЗРК «Куб», «Оса»... уже модернизированные с учетом боевого опыта, теперь более устойчивые к воздействию РЭБ.

Как и где они намерены это все применить, право не знаю. Учитывая, что англичане удерживают достаточно плотную блокаду Фолклендов, для Аргентины доставка грузов из метрополии сопряжена с большими рисками. Возможно, латиносы, с вводом в строй новых самолетов и завоеванием господства в воздухе, планируют провести экспресс-операцию по переброске и развертыванию дивизиона ПВО на оккупированных островах. Черт его знает. Но якобы С-200 им нужен был для прикрытия непосредственно столицы... Все опасаются бомбардировки. А вот флотские их, хоть они и цокали языком, вспоминая тяжелый крейсер «Петр», хм, – усмехнулся Дмитрий Федорович, – «Сан-Педро»...

– Как, как? – не сразу понял Горшков.

– Так они на свой манер «Петра Великого» обозвали, – пояснил маршал, – так вот морячки их заказывать ничего почему-то не спешили. Вот только на днях вроде бы должна прибыть профильная морская комиссия. Зато в соседнем Перу эксплуатанты кое-какого нашего оружия успели подсуесть! Продали по бросовым ценам несколько ранее приобретенных у нас истребителей-бомбардировщиков Су-22. Вот тут, знаешь, у меня такое впечатление, что после воплей США и всей иудейской мафии о битых сирийцах и бесспорной победе Израиля, в том числе американским оружием, перуанцы норовят избавиться от наших самолетов. А ВВС Аргентины взяли их от безысходности – им просто больше нечем воевать.

– Посбивают толком не переученных на «сушки» латиносов к чертовой матери, а нам на головы новый ушат...

– Буэнос-Айрес запросил инструкторов, технический персонал и материальную часть. Спецборт с нашими летчиками и технарями уже произвел посадку на Огненной Земле на авиабазе Рио-Гранде. Дополнительным грузом – запчасти к самолетам, кое-что новое из радиоэлектронного оборудования и боевого обеспечения, ракеты «воздух-воздух», «воздух-земля» из модернизированных, противокорабельные. Но ты прав, на переучивание уйдет уйма времени. Аэродромное обслуживание мы еще обеспечим своим личным составом, а вот на летчиков нашелся выход – кубинцы. И язык у них один, испанский, и нашу технику знают не понаслышке.

Горшков, улыбаясь, покачал головой:

– Ну, надо ж! Кубинцев можно прямо в патент брать и в любую «дыру»! Если наших служащих куда ни отправишь в «горячую точку», да не дай бог «запад» пронюхает – вой поднимают до небес... мол, «русские незаконно принимают участие в войне»! А кубинцам все как с гуся вода.

– С нашей стороны дополнительной помощью будет предоставление разведданных. Оперативно-тактическая обстановка в районе боевых действий отслеживается через «Легенду». Канал передачи информации налажен. В том числе постоянно в районе Фолклендов будет находиться БПК «Керчь», естественно не входя в двухсотмильную зону, оперируя в радиусе взаимной поддержки с ПЛАРК К-458¹⁹. Если мы добьемся успехов – реабилитируемся за Ливан, и не исключено, что сможем «подсадить» на нашу технику и другие страны Латинской Америки, не только Перу и Аргентину.

– ПЛАРК это хорошо, – чуть подбоченился, опершись на подлокотник Горшков, – а ты знаешь, по анализу атаки на американскую АУГ, которая защищена лучше того, что есть у Королевского флота, британцам-то против наших сверхзвуковых или околозвуковых ПКР противостоять нечем! Есть прекрасные снимки с орбиты! Мы ж готовились к моменту залпа, нащелкали, мама не горюй, галерею можно открывать.

¹⁹ ПЛАРК – подводная лодка с крылатыми ракетами.

Сергей Георгиевич вынул из внутреннего кармана несколько нестандартных фотографических листов:

– Взгляни-ка. Видишь вот след ракеты – «базальтушка». А вот взрыв раскидался в длину по траектории. Я поначалу грешным делом возрадовался – попали! Ан нет, накрытие. Но как близко у борта!

– И что?

– А то, что ударь плотнее, мы эту расхваленную «морскую палубу» достали бы! Пусть там хоть трижды было удачное стечение обстоятельств. И это еще без РЭБ, замечу. Правда и амеры с помехами немного припозднились, прошляпили.

– Откуда известно? – с сомнением спросил маршал. – Разведка?

– Да принесла одна сорока на хвосте, – не стал уточнять адмирал, – а утешительный приз – вот, лоханка какая-то из эскорта горит.

– В размен на атомную ПЛ.

– А ничего. Наши спасательные суда уже там. Глубина небольшая. И командира К-212 мордовать замполитам и особому отделу я не дам. Раз решил командой покинуть корабль, значит, иного выхода не было. Чай, не сорок первый и не Гитлер под Москвой. Можно сказать, драка у нас была лишь до первой крови, до первой юшки из носа! Людей сохранил. А лодку поднимем.

Разговор деликатно прервал личный секретарь Андропова, обратившись к Горшкову:

– Сергей Георгиевич. По всей видимости, генеральный секретарь сегодня вас уже не примет. Вам переназначено на завтра. В десять утра.

До востребования «раз»

Из Средиземки БПК «Керчь» и газотурбоход «Физик Курчатов», как положено, «проводжали»! Сначала французский фрегат, затем ближе к выходу эстафету принял испанский корвет.

Проходя Гибралтаром, уверенно полагали, что и англичане непременно их возьмут на сопровождение – от подозрения, что военный груз пойдет в Аргентину.

Но у британцев, по-видимому, была такая напряженка с кораблями, что весь дальнейший атлантический маршрут прошли практически в гордом одиночестве. Исключая редкие гражданские суда под всяческими флагами.

Покинув в начале июля Латакию, выдерживая экономические восемнадцать узлов, уже через четырнадцать суток советский отряд бросил якоря в порту ангольской Луанды, начав принимать топливо и другие припасы, ожидая в том числе приказа из Москвы, где утрясали последние пункты контракта с Буэнос-Айресом.

Простояли два дня.

Наконец Кремль дал отмашку.

Уже по уходе из Анголы мористее милях в ста, выйдя на связь, к ним присоединилось судно под флагом «Острова свободы». От кубинцев в миссии участвовали расчеты зенитных батарей, десятков летчиков и рота охраны с тяжелым пехотным вооружением.

Позже, нагнав по радиоконтакту, к отряду присоединилась прервавшая «автономку» в западной Атлантике атомная подводная лодка.

Расстояние от африканского побережья до широты Фолклендских островов преодолели за девять с половиной суток, двигаясь практически по прямой на юго-запад. И только ближе к театру войны начали уклоняться, обходя стороной 200-мильную зону боевых действий. Здесь командир БПК «Керчь», зная о британцах, курсирующих между Фолклендами и Сандвичевыми островами, готов был прибавить ход. Во все тридцать три узла, если потребуется. Однако охраняемые им транспорты едва выдавали девятнадцать.

«Керчь» для эскорта был выбран неспроста, всецело соответствуя поставленной задаче, как по автономности-дальности, так и по возможности постоять за себя и подопечных – в свои полные 8500 тонн водоизмещения корабль был буквально нафарширован боевыми системами.

Знали о «Бельграно». Аргентинский крейсер англичане потопили торпедами с ПЛ как раз примерно в этом районе, не соблюдая собственных правил – за пресловутой 200-мильной зоной.

Поэтому в большей степени опасаясь подводной угрозы, отряд двигался противоторпедным зигзагом, в состоянии «боевой готовности», используя все радиолокационные и гидроакустические средства, гоняя туда-сюда палубный Ка-25ПЛ²⁰.

Совершали скачки-замирания, прослушивая глубины, К-458.

А из нежелательных гостей появился лишь английский патрульный самолет-разведчик «Нимрод», который, едва опознав советский корабль, сдернул на недоступные двести километров удаления, продолжая мониторинг. Уже ближе к материку его отогнали аргентинские «Супер-Этендар».

Через 24 часа направляемые буксирами транспорты ворочались у причалов Рио-Гранде, БПК «Керчь» оставался на внешнем рейде, ему надлежало в оперативном порядке пополнить запасы топлива и воды.

²⁰ Ка-25ПЛ – противолодочный вертолёт Камова.

До востребования «два»

До последнего думал, что в Анголу. Даже проспал промежуточную посадку на дозаправку где-то в Северной Африке, по-военному комфортно устроившись на каких-то брезентовых тюках в огромной утробе Ан-22. (Правда, предварительно дернув с технарями – у них всегда есть – разбавленного спирта.)

В Луанде, конечно, вышел на бетонку размять ноги.

Оглянулся – во занесло! Африка!

После вьетнамской парилки африканская жара не впечатлила.

Вспомнилось сразу, как переводился в морскую авиацию, умотав прямиком в Индокитай.

В Больших Шираках²¹, где досель проходил службу, тогда изрядно засиделся.

Обычно в полку тянули лямку года по три-четыре максимум... Потом, чтоб скрасить, так сказать, тяготы и лишения предыдущего места службы, заменялись – кто в Германию, кто в Польшу-Венгрию, не везло, если в Монголию.

А тут закисон на целых семь лет – мхом обрастать начал.

Командир полка гнал в академию, изначально еще выписав разнарядку на заочный штурманский факультет:

– Беленин! Товарищ капитан! Что ты, мать так раз так, ломаешься, аки красна девица?!

А на «штурманский» Беленина ну никак не тянуло. Тем более на заочный.

Тут как раз и «покупатели» прибыли, выбирая по результатам собеседования строевых летчиков в кандидаты.

И там, надо сказать, перспективы без пошутил: выпускник академии идет или военным атташе или... ну, там уже внешняя разведка под «крышей» Аэрофлота в разных странах.

Соответственно другая жизнь – зарубеж, полный фарш.

– А летать буду? – спросил тогда у майора-направленца.

– Забудь! – ответил тот, но расписал всю службу «по полочкам и антресолям».

А летать-то охота! Ну и послал их куда подальше (мысленно) – отказался от такой прогнозируемой и распланированной по порядку-распорядку жизни (это жена не знала – плешь выела бы). Но уехать из «дыры» было аж не вмоготу.

А тут другие «покупатели» случились с намеком на пусть азиатскую, но «заграницу». И не штаны протирать, а вполне себе пилотировать. Вот и сменил зеленые летные погоны на «морские» летные.

– Проспался? – прервал вялые думки голос из-за спины.

Представлялись, сводились со всей командировочной командой уже на аэродроме в Раменском перед отправкой. Народ надерган из разных частей, но надо ж, и тут попался (вот уж тесен мир, а авиации так особенно) старый знакомый летун-испытатель (уже в майорах), с которым по случаю пересекались еще в 1980 году.

Тогда группой гоняли самолеты (полковые Су-17М3) с одного военного округа в другой, аккуратно на учения в Азербайджане. И как раз пилоты из Владимировки²² встречно перебрасывали мишени-переделки на базе Миг-17. Все дружно и застряли на аэродроме Насосная (Азербайджан) – погода муть, мороси, дожди, туманы. Короче – нелетная.

²¹ Советская авиабаза в Грузии.

²² Владимировка (Ахтуба) Астраханской области. Лётно-испытательный центр авиации, включающий исследование беспилотного и управляемого оружия.

Пока три дня сидели, куковали, летуны-испытатели чуть не сманили его, Беленина, к себе в центр. Уж и «копытом забил», представляя себя элитой, но не сложилось, по разным там причинам.

А вот встретились – считай напарник в предстоящей службе «на далеких берегах».

Еще удивился – чего это его из Владимировки да на инструкторскую работу.

Уже когда «Антей» оторвался, занял эшелон, все освоились, расползлись по кучкам интересов, приснул «глаз да глаз» особист, в дело из подполья вылезли заначки. Тогда и разговорились по душам.

– Слушай, у тебя же профиль, ты ж испытатель, с чего тебя кинули в «третьи страны» аборигенов обучать?

– Так у нас в центре специализируются не только в области аэродинамики, двигунов и прочих элеронов, но и по апробированию и доводке новых образцов оружия, – старый знакомец приподнял полу брезента, похлопав по зеленому штатному ящику, укантованному в общий оцентрованный груз, – вот видишь... что тут?

– ПКР? – предположил Беленин, пытаясь разобрать маркировку.

– Не-а. Контейнер РЭБ под крыльевой пилон.

На дальнем перелете-перегоне от скуки о чем только ни трепались, Беленина так и подмывало поведать о дальневосточных событиях и личном участии. Да помнил строгие и злые глаза особиста, свою размашистую закорючку-подпись под грифом «секретно».

Но потом под «шильцо» заспорили по дальности, боевому радиусу Миг-23, ну и поделился опытом – как они в перегоночном варианте вышли на запредельный рубеж атаки, да еще успели провести скоротечный (а других у реактивной авиации не бывает) бой. Как довел заглохшую машину на планировании. Черт возьми, а с кем же еще делиться опытом, как не со своими! Тем более что память остро еще, по горячим следам, вырисовала картину, как безмолвный «Миг», просев тяжелой задницей, далеко не так уж и мягко плюхнулся задними стойками на бетонку Камрани, даже чиркнув «копчиком» – в смысле фальшкилем... кстати, уже в убранном положении.

Поса-а-адочка!

Еще не выкипела эйфория, еще не прошел восторг, подменяемый состоянием охренения...

Вспомнилось мельком, как тугомотно набирал «часы» на «1-й класс», еще в таком недалеком восьмидесятом. В тех богом забытых Больших Шираках условия для получения классности еще поискать – «поймать» необходимую погоду с минимумами по параметрам... Налетать необходимые часы. Затем – итоговый в «спарке» на класс-тип с проверяющим.

А тут не прошло и недели – мало того что «налет», так еще и две победы, два заваленных «хорнета»!

Потрескивающий в остывающем двигуне «мигарь» доволокли за «водитель» до стоянки.

Прямо с рулежки смертельно уставший отбарабанил доклад полковнику. Тот сам какой-то весь взмыленный.

Уж день готовился к концу, хотя беспощадное вьетнамское солнце и допекало с последней кромки окаема, а аэродром кипел деловитой и интенсивной деятельностью.

Всех «тяжелых» – Ту-95, всех какие были Ту-16 и недавно прилетевшие Ту-22 угнали на запасные площадки, в тыловую зону к вьетнамцам во Фанранг. Там у них своя хорошая ПВО.

Командование честно готовилось к американской от-ветке.

Все были безусловно взвинчены пружиной «повышенной боевой готовности», ожидая комбинированных «звездных налетов».

Беленина ребята хлопали по плечам, тыкали в бок, мол, «во, даешь, двоих уделал!», влили в глотку чего-то крепкого... Ну прям «В бой идут одни старики»! Правда, не водки, а

судя по всему коньяка, который таскают на аэродром местные вьетнамцы (ни вкуса, ни крепости в адреналиновой накипи и не разобрал).

Снова нарисовался грозный комэск, велел: «всем заткнуться, а Беленину быть в резервном ожидании!» Разогнал междусобойчик!

А через шесть часов пришло послабление.

Еще шесть часов, и с полудня следующих суток прошла очередная штабная директива, и... все как-то поуспокоились и уже были почти в расслабухе.

Впрочем, кому как.

БС для некоторых не отменялась – дежурные двойки истребителей висели в небе постоянно.

Морячки выслали свои кораблики в дальний, ближний дозоры.

Ревели, уходя в патруль, разведчики «туполевы».

И Ту-22, говорили, во Фанраге стояли заправлены, заряжены на хорошую плюху, покажись супостат чем-нибудь надводным.

«Миг» Беленина восстановили рекордно за ночь, перекинув ему новый движок взамен запоротого «сухой работой», заменив потрепанную при посадке «резину»... Фальшкиль отделался царапинами.

Герой «Миг» украсился двумя нарисованными «сбитыми» – узнавались силуэты «хорнетов».

На эти художества первым отреагировал замполит:

– Закрасить!

Затем особист, самым строгим и авторитетным образом укоротив языки всем участникам воздушной операции:

– Не было никакого боя!

А потом и комэск:

– Ну, на хрена тебе эти понты? Вот будешь патрулировать над нейтральными водами... Как нарвешься на палубно-ковбойскую месть из Техаса.

Натикало еще шесть упругих часов, и из штаба ТОФ пришел окончательный «отбой» – войны не будет!

Спустя еще сутки командир полка вызвал капитана Беленина к себе под завывающий кондиционер, дающий относительную прохладу в штабном домике:

– Готовься. Придет «борт» – едешь на «большую землю». В штаб ТОФ, – загадочно добавив: – как минимум.

«Ого, – сразу скумекал Паша, – то бишь значит, есть и некий максимум. Вот дела! Уж не за наградой ли?»

Стал собираться. Сделал расчет денежного довольствия: рубли и чеки – набежало вполне. Неужели «боевые»?!

Но за подарками особист не отпустил – послали дежурных прапоров. Эти проныры уже успели здесь обжиться, ездят за покупками аж в Ханой. Заказал им лишь что-нибудь эдакое, экзотическое, местное, так как на чеки в Союзе в магазинах «Березка» можно приобрести товары (западную фирму) качеством получше, чем во Вьетнаме.

Сбегал на пляж, понырял, нарубил кораллов на раздачу по мелочам.

Вещей набралось два чемодана.

«Борт» пришел спустя двое суток. Как раз прибыл спасатель-сейнер, привез сбитого старлея – «ведомого» Леху. Трех пленных американцев особый отдел влет прибрал, что даже поглазеть не дали.

Летели через Владивосток и сразу в Москву, никаких тебе «отпускных» на родину, к семье.

Кстати, ребята, что участвовали в операции, остались во Владике. И только его гнали дальше в столицу. С чего бы?!

– Дурень, – скалились, – чего тут гадать. Ты был командиром группы, ты вывел тютеля в тютелю в хвост амерам. Да еще и двух свалил. Вот тебе и большой приз. Героям и беременным без очереди!

Прикалывались:

– Андро-о-опова-а увидишь!!!

Почти как Ленина в мавзолее – «главный памятник» СССР.

* * *

Но первым встретил прямо у трапа его комполка с предыдущего места службы.

– А вот! – Крепко пожал руку. – Личной оказией характеристику на тебя, лишенца, привез. Все ж целых семь лет под моим началом. Да не дрейфь, все в положительном, не за что тебя взыскивать.

В Генштабе в приемной перед ним еще четыре человека было, в равных званиях, но с орденами, по разговорам понял – из Афгана. Тоже с боевым опытом.

Вызвали.

Комиссия из семи человек: три генерала, остальные полковники, среди которых один «свой» – комполка из Ширази – сидит с краю, явно гостевым порядком, ободряюще улыбается.

– Так, говоришь, боевой опыт, да еще и над морем? – с ходу начал (после беленинского «здравжелаю») один из генералов, что сидел по центру.

– Так точно, товарищ генерал.

– А что ж вы, товарищ капитан, – это уже сидящий чуть левее, тоже генерал авиации, – никак в академию не хотите поступать? Будете учиться в ВВА?²³

– Так точно, товарищ генерал! Буду, – и набравшись смелости: – Только не на «штурманском» заочном, а «командном» очном отделении!

– Хэк, – тут же отозвался вопросивший, одобрительно крякнув, – приедешь ко мне, напишешь рапорт – приму. Вступительные – проформой!

«Да неужто сам начальник академии или зам?»

А «центральной» снова заводит, перелистывая «личное дело»... известно чье:

– Ты ж на Дальнем, на Востоке, на Миг-23 геройствовал, – звучит это как утверждение, ответа не требует, да и вопрос новый подгоняет, – а как «Су», руки помнят?

– Так точно! – Как такое забудешь.

– В таком случае никуда от тебя академия не денется, а у нас есть к тебе другое предложение, – и водит генеральским носом влево-вправо, обращаясь к заседающим: – Подходит он нам, товарищи? Не возражаете?

Товарищи не возражали. И наградить, кстати, наградили. Торжественно (целый генерал вручал) и... обыденно.

* * *

Покинув Луанду, военно-транспортный Ан-22 взял курс на Южную Америку – полет через целый океан, правда поперек. Следующая дозаправка в Рио-де-Жанейро. Бразилия.

А уже дальше выделенным коридором над сушей почти до южной оконечности материка. Огненная Земля.

²³ Разговор шёл о военно-воздушной академии им. Ю. Гагарина.

Сели.

«Антоша», беременный грузами, прокатился за аэродромной машиной до ангаров, встав под разгрузку, сипя турбовинтовыми на понижающихся оборотах, вызывая впечатлительное любопытство у аборигенов, – «здоровенная монстра»!

А прибывший народ между тем высыпал прямиком по откинувшейся задней аппарели... от родных осин, мимо африканской жары, бархатного вечера июльского Жанейро – «июльского января»²⁴, в холодрыгу приполярных южных широт насквозь продуваемого прибрежного аэродрома Рио-Гранде.

СССР. Москва. Год 1982, текущий

«Москва – это, вне всяких сомнений, фасад Страны Советов. Более сытый, лучше одетый... если не выхолщенный руководящей партией, то по необходимости содержащийся на должном уровне, чтобы не ударить лицом в грязь перед зарубежными гостями и чтобы под окнами правительственных кабинетов не бродили толпы недовольных».

Тихо молотил двигатель «Волги», Николай Николаевич Терентьев, капитан 1-го ранга, командир ТАРКР «Петр Великий», откинувшись, свободно расположившись на заднем сиденье, созерцал осенний город через чуть приоткрытое стекло автомобиля, посыпанное мелкой дождевой каплей. Мысли текли размеренно, как этот приятно накрапывающий дождь.

«Вышесказанное несет в себе вполне рациональные (политические) смыслы... однако и сквозящий цинизм в отношении социально-структурного устройства страны победившего социализма не совсем уместен. Заглядывая в разные уголки великой и необъятной, можно сказать, что некий видимый баланс уравниловки соблюдался».

Терентьев скривил горькую усмешку:

«По крайней мере и все-таки они попытались это сделать... Просто эксперимент идеалистов создать общество справедливости не выдержал проверку самой природы животно-человеческой сущности. Религии не один век с давних времен увещевали в желании урегулировать эту, наверное, вселенскую парадигму – плодиться и размножаться. Размножаться и в прямом и переносном – увеличивая себя, ты вольно-невольно подавляешь, пожираешь окружающих (что-то похожее было у Джека Лондона в «Морском волке» – концепция «закваски»).

В конкуренции выживает сильнейший, двигая само содержание мироздания (неизвестно только – улучшая или ведя к очередному тупику-концу).

Хорошо Вселенной – ей безмерно есть куда расширяться. Что-то меня в философию потянуло...» – успел еще подумать Терентьев, когда думы были прерваны резко открывшейся дверью «Волги» – сотрудник «девятки»²⁵ шумно уселся, качнув рессоры, коротко бросив водителю «трогай».

Заурчав двигателем, машина мягко покатилась.

Эта сентябрьская Москва рисовалась из окна автомобиля, будто с фильма «Служебный роман»: дождь, зонты, спешащие на работу советские служащие (рабочим профессиям на «проходную» к семи), стайки школьников, переполненные по часу пик «скотовозки»-автобусы, «волги», «жигуленки», «москвички».

Затем некоторая пауза и уже можно наблюдать стихийно кучкующиеся и рассасывающиеся очереди (интересно, андроповская программа – гонять прогульщиков – уже в действии?).

Серенько немного – за отсутствием растяжек-баннеров, пестрых шмоток на людях, ино-марок на дорогах... но все какое-то живое, трогательное. Фильм без рекламы.

²⁴ Рио-де-Жанейро, Rio de Janeiro, буквально – январская река.

²⁵ «Девятка» – девятое управление КГБ, специализирующееся на охране и сопровождении руководителей партии и правительства СССР.

Помня Москву задвухтысячных по последнему приезду в морштаб, сейчас Терентьев ощущал неожиданно доброе дыхание города.

«Может, и правда люди раньше были положительней».

Нечестность была лишь в том, что действительность созерцалась и воспринималась из салона персонального автомобиля, да и столовался во внутренних буфетах Кремля, Лубянки, реже по случаю в ресторанах (статусной «Праге», например). Холодильник выделенной ему квартиры, с инвентарными номерами на мебели, наполняли спецпайком с гэбэшного довольствия.

И вообще, его, видимо, основательно «прибрал к рукам» этот всесильный «комитет», исключив всякую привязку к флоту.

Морскую форму надел лишь единожды на встречу с Андроповым. На повседневку ему выделили выбором пару добротных костюмов, отоварив прочей необходимой одеждой-обувью, не забыв и про другие средства обихода.

– Это все на первое время, пока в Кремле не определились, – пояснял лично курирующий его офицер КГБ, выполняющий функцию и сопровождения-охраны, и «няньки-гида», доброжелательно играя роль простачка, – может, перейдем на «ты»? Вы не против? Меня – Вова.

Терентьев был не против. Чекист представился всего лишь капитаном госбезопасности, оставляя по виду-возрасту и по званию некое противоречие – то ли молодой да ранний, то ли профессионально цепкий волчара в холеной атмосфере столичной службы. И сразу предупредил, что «он знает все!», в отличие от сменных водителей-охранников, при которых лишнее болтать возбраняется. Сам с расспросами особо не лез, но явно «срисовывал» каждую мелочь в поведении подопечного.

«Хм... кто бы сомневался».

А вот в его заявленной осведомленности, то, что он простой, и пусть даже непростой сотрудник девятого управления, сомнения возникли.

На дилетантский взгляд Терентьева, опекали его немного легкомысленно.

Пока этот «на ты Вова» где-то шарохался (подозреваю, что к себе домой заезжал, продуктовую авоську заносил), к праздно стоящей «Волге» могли подвалить агенты ЦРУ! Водилу – по башке, меня в фургончик, и привет, Америка!

«Впрочем, это я так, наверное, с оценки наших лихих времен и шпионских боевиков. Подозреваю, что в Москве сейчас такое не прокатит. Впрочем, замечаний “службе” делать не стоит, а то еще укутут в острог безвыездно».

А порой, зная, что капитан все фиксирует, докладывая «наверх», Терентьева так просто и заводило – подковырнуть, удивить. Проезжая Садовым кольцом по Новинскому бульвару (на это время улица Чайковского)²⁶, не удержался, склонился к стриженному затылку, тихо, чтобы не расслышал водитель, поведая:

– В 1995 году в здание американского посольства стреляли из «Мухи»²⁷. Гранату вклепили где-то на уровне шестого этажа в помещение шифровального отдела.

Удовольствие от извернувшейся шеи и вытаращенных глаз было неописуемое!

А вообще только вот как с неделю Терентьев стал ощущать себя при деле. До этого находился в какой-то подвешенной ситуации и информационном вакууме.

«Словно старый корабль на приколе у дальнего причала».

К каким-либо флотским и оружейным делам его не привлекали. Полагал, что, может, хоть по опыту боевых действий окажется ценным кадром. А вот хрен! Молчок! Но знал, что часть офицеров-специалистов с «Петра Великого» направлены вместе с демонтированными комплексами и системами вооружения на военно-производственные предприятия. Мельком

²⁶ Здесь по номеру 21 находится посольство США.

²⁷ РПГ-18 «Муха» – реактивная противотанковая граната.

стороной услышал о военных учениях на Тихом океане, сразу сообразив, с чем это может быть связано. И уже на прямой вопрос ему с затяжкой сообщили, что ТАРКР через Владивосток совершает переход Севморпутем.

Думал, вскоре отправят на крейсер. Но тут опять непонятная пауза.

Капитан ГБ Вова иногда с подковыркой-интересом поглядывал, однажды спросив, перейдя на «вы»:

– А что вы умеете?

– Командовать боевым кораблем... во всяком случае, – первое, что пришло в голову.

– И людьми, видимо, управлять...

«Блин, – мысленно ругнулся Терентьев, – и этот туда же?»

Сразу вспомнил раннее предложение Горшкова о какой-то политической карьере. Вступление в кандидаты КПСС воспринималось как «тихий ужас», как только представил себя в этом номенклатурно-партократическом болоте.

– Вы наверняка понимаете, что с вашим появлением из будущего и подачей разного рода данных в стране грядут перемены и реформы, вплоть до коренных, – не мигая, глядя в упор, завел капитан.

– Понимаю. Это было бы здорово.

– Но не все законы адекватно и кондиционно работают, как то желаемо и запланировано. Очень много переменных – что-то будет преждевременным, что-то становится способом и характером, хм... дел несправедливых, корыстных. И не все досконально точно и полно освещается в тех материалах, до которых получен доступ. Много противоречий.

«Точно он не из девятого управления», – стрельнуло в голове у Терентьева.

– ...предлагаю вам войти в аналитическую группу на консультативной основе. Пока. Туда мы вскоре включим еще некоторых товарищей из вашего экипажа, для, так сказать, «свежего взгляда из низов из будущего» на те или иные инициативы, проекты, на создание правильных моделей социальной экономики... м-м-м, возможно, я немного коряво сформулировал, привык другим языком изъясняться.

– У вас неплохо получается, – буркнул Терентьев, вторя внутри: «Все-таки тянут меня в управленцы».

Бесспорно, понималась собственная зависимость... впрочем, к которой давно привык. Еще с курсантских, уже с лейтенантских погон воспринимая ее как неотделимую часть при-сяги.

Только здесь зависимость иного уровня, иной ответственности. Это не просто уйти на штабную флотскую работу и даже не просто сменить век.

Намешалось, перемешалось все.

И Вова этот капитан, олицетворяющий тоталитаризм (отложилось все ж в голове либеральное нытье проститутских демократов). И кремлевские партийные функционеры, к которым однозначно неоднозначное отношение... Что уж, от разных мнений, свободных и заказных исследований разномастных историков, публицистов, биографов. Да и сам, как глянул на некоторые фигуры-персоналии, – тошновато стало. Морально.

И уличные пейзажи: щебечущие, точно воробьи октябрюта-пионеры, шлепающие по лужам до школьного звонка... и будь они неладны очереди, выползшие из магазинов на мокрые тротуары... и все-таки еще целехонький, не помышляющий, но уже больной Союз.

«А может, удастся правильно приложить свою руку, презрев уже однажды сложившуюся историю, приобщиться к большому, если не великому делу? Судьба рядила, как говорится... хотя скорей всего на первые роли теперь его не поставят. Но так-то оно и лучше».

И все же сделал еще попытку, потянулся за соломинку, неожиданно с хрипом в голосе, отрывисто, будто выстреливая:

– Экипаж... я несу ответственность... мне доверились... я их вывел... боями.

– О них позаботятся.
– Я считаю, что к команде крейсера должен быть особый подход.
– О! Это несомненно.
– Вы уполномочены об этом говорить? – Сообразив: «Не капитан этот Вова, и даже не майор».

Заежась в подозрении: «А ведь экипаж... люди, знающие будущее, в первую очередь опасны для некоторых фамилий, которые сейчас находятся при власти или около».

– Считайте, что я вхожу в узкий круг обладающих этими полномочиями и голосом в принятии решений, – в глазах пристально смотрящего офицера спецслужбы вдруг что-то мелькнуло, смягчаясь. – Вам надо научиться оставаться непроницаемым – все на лице написано... Читай, как книгу. Ну, бросьте вы, право слово. Что мы, звери? Можете даже выразить свои взгляды и пожелания в письменном виде. Рассмотрим, обсудим, выберем оптимальные и безопасные ходы.

* * *

Отбрасывая бытовые подробности, личные домашние взаимоотношения, распорядок дня и даже трудовой порядок кремлевских коридоров власти, приходится смотреть только на ключевые, важные событийные моменты. И тем не менее...

Приемное утро в главном кабинете Кремля могло начаться немного позже. И неизвестно, проводил ли Андропов утренний сеанс терапии в выделенной подле рабочего места процедурной комнате... Или всецело погрузился в очередной документ и наболевшую проблему, позабыв о ожидающих в приемной посетителях... Или вовсе оцепенел от часто посещающих в последнее время приступов рефлексии, отстраненно выводя карандашом на разлинованном листе личной черновой тетради: «...так и займешь свое место на постаменте воспоминаний... не в бронзе, не в стальных обводах корабля, названных твоим именем, а скорее сухими строчками специализированных исторических книг с двумя датами – первой и последней.

Страна выкинет тебя из памяти, как...

...как женщина, целующая в лоб нелюбимого...

...как мужчина, стреляющий в лоб контрольным...»

А покуда... первыми на очереди к «генеральному» коротали время маршал и адмирал. Сначала за дверью, затем будучи приглашенными секретарем в кабинет (Юрий Владимирович сейчас подойдет), совсем не теряя время в ожидании – было о чем переговорить. Еще бы.

Горшков, который вчера прилетел с Северного флота и не успел предоставить отчет... И Устинов, которому с раннего утра «настучали» рапортами, и он спешил до приема «предупредить» и устроить дружеское «выговорное» внушение главкому ВМФ:

– Что ж ты, Сергей Георгиевич... не слишком ли «размашисто шагаешь»?

Сергей Георгиевич будто не услышал, дав «оглушительный» зевок в кулаке и улыбаясь:

– Вот же напасть возрастная! Врачи говорят: крепким сном человек дает отдых организму и должен, вставая с постели, чувствовать восстановление сил и бодрость. А я в последнее время просыпаюсь с девизом «утро добрым не бывает».

Однако, несмотря на объявленный недосып, сегодня Горшковым овладевала непринужденная беспечность – состояние «наконец проделанной тяжелой работы»!

Отчет генеральному не жег руку – крейсер довели, поставили к отдельному пирсу. Было чем похвалиться по фактам боевого противостояния с американцами. И эту внутреннюю гармонию не могло испортить ни якобы хмурое утро, ни странные придирки-намеки Устинова – почти товарища на службе стране и партии.

А тот завел снова, теперь будто издалека:

– Как ты думаешь, Сергей Георгиевич, долго будет сохраняться тайна «Петра»? Я не говорю об утечке от нас... подозреваю, что есть «прокол» и вовне. Не удивлюсь, если смутные подозрения имеются у тех же аргентинцев – они довольно близко контактировали, были в гостях на крейсере, много чего видели. А уж американцам известно однозначно – станут ли они делиться информацией с союзниками по НАТО? Там и до правительств других стран эхом донесется, до мировой, мать ее так, общественности.

– Опасаешься, что предъявят нам – дескать, русские, расскажите тайны будущего?! Тыфу на них! Нам от коалиций не впервой отбиваться. Да и тридцать лет – что это за срок для технических достижений?

– Согласен. Главная информационная бомба это политические изменения! И здесь самое слабое звено в утечке опасных сведений – сам экипаж корабля-пришельца. Понимаешь? А что там происходило у тебя в твоих вотчинах?

– А что? Я, можно сказать, безвылазно сидел на корабле. Подана «дефектная ведомость» на рассмотрение судоремонтной комиссии, начаты работы по дальнейшему освоению техники... того, что не успели снять. На довольствие взяли, но «принайтовят» его куда крепко. Эх, не скоро такой серьезной боевой единице быть в составе флота. К сожалению.

– Я не о том... – многозначительно потянул паузу маршал, еще и косясь подобающе.

– И чего юлишь? – состроил мину адмирал. – Чего крутишь-мутишь, как еврей и замполит в одном флаконе?

– Хэк... сказанул, – усмехнулся «в усы» Устинов, – жалуются на тебя. Уж по пятому управлению на имя Андропова рапорты пришли²⁸.

– А-а-а! Да шли бы они! На! – Горшков сунул папку, что нес отчетом. – Смотри! Проверишь или поверишь? Помимо организации и технической части (в общем-то этим было кому заниматься) пришлось влезть в дела разведки и госбезопасности, что никак не могли поделить ответственность. Я понимаю секретность объекта, но и с людьми так нельзя! Тем более помня, через что, через какую мясорубку им пришлось пройти, не говоря уж о прочей фантастике с переносом во времени. Черт возьми! Это флот, они моряки, я им еще в Камрани обещал, что в обиду не дам!

– Ох, раздухарился!

– Да что уж! Будь моя воля – всех бы оставил на флоте... сплаванный, боевой в реальных действиях, экипаж. Но, конечно, у КГБ другие планы. Вот только товарищи из «конторы» не понимают, что это такое – находиться безвылазно в море в долгом походе. Пусть не подводная лодка с совершенно замкнутым пространством, а надводный корабль, но все же... Поэтому... – адмирал был уверен в своей правоте, – я своей властью дал санкцию на вывод экипажа в город... естественно, в сопровождении, попарно или малыми группами.

– Ты уехал, – парировал Устинов, – и личным распоряжением генерал-полковника Федорчука практика увольнительных была прекращена.

– Это распоряжение было санкционировано лично Андроповым, – в кабинет без стука вошел еще один посетитель – генерал-лейтенант Крючков, в приоткрытую дверь услышавший предмет разговора.

– Здравствуйте, Владимир Александрович, – прежде упредил Устинов.

– И вам не болей, – немного бестактно ответил Крючков, мимоходом отодвигая стул, присаживаясь, – всем доброго утра. Как я понял, речь идет о ближайшей судьбе экипажа «объекта 099»? Мы, товарищи, должны понимать риски утечки информации. Ладно, еще Североморск – город закрытый, режимный, тем не менее выходы «возвращенцев» за... категорически исключаются! Шпионы и агенты всех мастей наверняка сейчас землю роют носом. Мне докладывали, что выявили уже более двух десятков подозрительных личностей.

²⁸ Пятое структурное подразделение КГБ занималось в том числе анализом данных об идеологических диверсиях.

– «Возвращенцев»? – решил уточнить Горшков.

– У нас в ведомстве существует такая практика: классифицировать подопечные объекты в понятных ассоциациях, – пояснил Крючков, – а тут... русские, но не советские... пожившие при капитализме, но не предатели. Решили, что больше их поведение характерно для вернувшихся с Запада беженцев.

– Надо же... – немного потупился Горшков, – а ведь верно. Особенно салаги. Молодежь-пацанва там такая... я послушал – порой их жаргон вообще непонятен. Разговаривают на каком-то русско-марсианском языке с английским коверканьем.

– А неподготовленность службы безопасности к принятию людей связана с этой самой безопасностью, – генерал-лейтенант был предельно лаконичен, – если с теми единицами, которые командированы и распределены по предприятиям «оборонки», сложности приемлемо минимальны – за ним закрепили определенный штат сопровождения, автомобиль, некоторым допуская практически свободное перемещение по городу. То тут более полутысячи человек личного состава с корабля...

– Хуже будет, если мы замордуем ребят за «колючкой», и они сами начнут искать пути наружу.

– Согласен. Но вы же понимаете, что все это временно. Решим проблему. Создан специальный отдел, с подразделениями. За явную, как вы сказали, «колючку» никто их, конечно, не загонит. Организуем необходимое обеспечение. В ресурсе КГБ есть специальные режимные объекты со всеми условиями для удобного проживания. И, в конце концов, север-то далеко не лучшее место для житья. Что мы... будем их на минеральные воды и в отпуска на юг, как пионеров, группками возить, строим водить?

– Разбив на пары, в наручниках, – бросил с подковыркой Горшков, – возрождаем «шарашки»?

– Все б вам шутить. Попервоначалу они важны как носители знаний, возможно, каких-то навыков. И работать с ними будут в этом ключе, и не только по их военным специальностям. Естественно, что среди них не физики, а простые моряки, но любую, даже стороннюю, информацию приобщают, систематизируют, подвергнут анализу. Дьявол, как известно, в мелочах. В итоге людей отсортируют по категориям – кто, чего стоит и достоин... по профпригодности, информированности.

– Прагматично... и жестко, – крикнул Устинов, – в конце концов, они служивые. И служба продолжается. Полагаю, офицеры слово «присяга» осознают в полной мере.

– Если бы все было так просто, – Крючков почти устало потер виски, – бои для них прошли, миновали... морской переход, сопряженный с занятостью на вахтах, завершен. Сейчас пойдет откат, расслабуха эта самая. У людей начнется адаптация к новым реалиям, станут думать, задумываться, что вполне предполагает у некоторых психологические сломы. Посему подход к пришельцам будет более чем внимательный – нам же необходимо продуктивное сотрудничество, при их несомненном ограничении в личной свободе. Допускаю, что вполне понадобятся медицинские специалисты... психотерапевты. Хм, им бабы, в конце концов, нужны.

– Вот и отправить молоденьких выпускниц-прелестниц, медработниц, – заерзал в кресле Устинов, озаряясь улыбкой, – решим сразу две проблемы: матримониальные – слюбится, стерпится и... притрется, закрепится – женщина хороший якорь.

– На самом деле, – будто подводил итог Крючков, – по оценке аналитиков, нам необходимо претерпеть, преодолев кризис первых пяти, максимум десяти лет. Затем тридцатилетняя фора послезнания догонит текущую реальность. Наши эксперты прогнозируют, что реализация технических и структурных изменений скорей всего пойдет с опережением. Многие моряки с «Петра Великого» перестанут быть носителями секретной информации. Либо их зна-

ния попросту превратятся в фантастику – кто будет слушать сказочки о независимости Украины или о том, что Грузия собиралась вступить в НАТО.

* * *

Кривил душой начальник Первого главного управления КГБ генерал-лейтенант Крючков. И не столько касаясь якобы относительно недолгих сроков «режимности» для пришельцев. Предварительные расчеты специальной аналитической группы КГБ по выводу СССР из системного кризиса выдавали не такие уж оптимистические прогнозы.

Впрочем, факты, выуживаемые из «цифрового информационного пакета», еще собирались, все еще проверялись и анализировались. Появлялись новые версии и трактовки, порой носящие академический характер.

А потому комплексное совещание особой важности, посвященное главной теме – сохранению социалистического статус-кво – Андроповым пока откладывалось.

Москва. Посольство США

Интриги жизни и художественные сюжеты любят подбрасывать подобные штучки...

В тот момент, когда служебная, гэбэшная «Волга» проезжала по Садовому мимо массивного бледно-желтоватого здания на улице Чайковского, а капитан 1-го ранга Терентьев, рассказывая о стрельбе из гранатомета, взирал на «слепые» окна²⁹ американского посольства, за этими самыми окнами резидент Центрального разведывательного управления США как раз рассматривал несколько фотопортретов, весьма похожих на командира крейсера «Петр Великий».

* * *

«Station» – именно так по терминологии, принятой в США, называется подразделение ЦРУ в другой стране. Что как нельзя лучше передает суть с английского языка – не «база», всего лишь «станция» (с намеком на нелегальность), в данном случае под крышей диппредставительства.

И Бертон Гербер – «chief of station», старший оперативный начальник всех подразделений спецслужб в посольстве, резидент, а для подчиненных просто «шеф», – всегда хранил в себе это подвешенное ощущение нахождения на вражеской территории.

Особенно здесь – в СССР под личиной первого секретаря посольства... до этого успев «поработать» и в Западном Берлине, не в пример спокойных Болгарии и Югославии, и в специфическом Иране. Два года насыщенной профессиональной деятельности.

Поддерживая для своего возраста подтянутость, далеко не кабинетный работник, Бертон Гербер и сам нередко участвовал в операциях, проводя встречи с агентами, выезжая на «закладки» писем или изъятия тайниковых контейнеров.

Два года – обычно резиденты в столице главного геополитического противника надолго не задерживались, и как раз в конце мая должна была закончиться его командировка в Москву, но...

Стремительно раскрутился инцидент в Южной Атлантике вокруг Фолклендов, и требовалось внимание всего отделения службы в злободневной задаче мониторинга – как поведет себя Кремль, каковы шансы вмешательства Советов на стороне Аргентины.

²⁹ После пожара 1978 года у американского посольства со стороны Садового кольца появились фальшокна – помещения резидентуры отгорожены глухой кирпичной стеной.

Затем «нетривиальные» события перекинулись на Тихий океан, в Азиатский регион, неожиданно переходя в «горячую» стадию для самих США.

И пока все докатывалось до американского анклава, в столице СССР будто эхом, без конфиденциальных подробностей, но вот...

Первые предметные разнарядки по этому делу в посольство и непосредственно в московское подразделение ЦРУ пришли в середине июня.

При всей конкретике задания Бертон подметил некую расплывчатость и недосказанность. Однако вслед за шифрограммами в Россию прилетел инспектор – офицер весьма высокого ранга в системе американской разведки. Вместе с ним прибыл представитель Госдепа и одновременно уполномоченный президента Рейгана, исключительно доверенное лицо... в первом же знакомстве начав весьма таинственно:

– При всем уважении, сэр... мы здесь не для оценки обстоятельств. Допуская фактологические погрешности источников, полагаем и собственные интерпретации...

По всем дипломатическим правилам – посол в функциях разведки не должен быть замаран, так что в полный (практически полный) секретный курс дела в рамках особого статуса был введен лишь шеф Гербер.

В момент изложения истории с «кораблем-пришельцем» Бертон удачно сидел в кресле и только поэтому не «упал со стула», к чести сохранив исключительную невозмутимость... переварив «бред и фантастику» уже погода к ночи единолично, отказавшись от патриотического виски, чисто по-русски ополовинив бутылку «Столичной». Что было не совсем по-русски – эти «уговорили» бы всю!

* * *

Вашингтонская команда занялась тем, зачем и приехала, затеяв одновременный «покер» с «комми»: и на дипломатическом уровне... и выходя на прямые контакты с визави на Лубянке.

«Большая игра разведок» – уже успели назвать это дело по обеим сторонам «невидимого фронта».

Прикомандированным было выделено резервное помещение (кое-кого потеснив), отвлекая на их нужды секретарей шифровального отдела, специалистов связи, других дипработников.

Одновременно и наравне с текущими операциями к новым задачам был привлечен и весь штатный состав сотрудников службы московского подразделения ЦРУ. А по мере развития событий пришлось поэтапно втягивать все человеческие ресурсы резидентуры, дополнительно включая в работу и «чистых» дипломатов, и сотрудников военных атташатов. А также жен разведчиков – некоторые леди-агентши были к такому делу вполне привычные, поскольку практика подобной подготовки перед выездом в иностранные диппредставительства была налажена на официальном уровне.

Впрочем, сам Гербер на женский пол смотрел немного свысока, подпуская их лишь к второстепенным и неопасным задачам, тщательно маскируя свой мужской шовинизм проявлением джентльменства.

Так или иначе процесс ускорился, обстановка в посольстве медленно накалялась. Это нельзя было назвать авралом – в столь непростом деле, как шпионство (агентурная работа), спешка и горячка не уместны. Однако нервозности добавляла некорректность поставленных задач, связанная с ограничениями информированности сотрудников. Выглядело это по меньшей мере бестолково: «ищи того – не знаю кого».

А суть задачи сводилась к тому, что аналитики Центрального разведывательного управления вывели целостное и логичное соображение: «В Москву с крейсера-пирата явятся гости!» (Корабль к тому времени уже стоял на внутреннем рейде Камрани.)

Исходилили они из здравых соображений: «Боевые системы крейсера послужат наглядным материалом для профильных военных НИИ и предприятий советской оборонной промышленности. Поэтому вне всяких сомнений следует ожидать появления специалистов из экипажа корабля в городах, где располагаются вышеупомянутые учреждения. А также разумеется очевидность встречи кого-либо из пришельцев с высшим руководством СССР».

То, что это будет именно командир, а не первые помощники или другие высокоранговые офицеры корабля, за уверенность не бралось. Но с другой стороны – а кому еще, как не самому главному на судне, нести ответ за все?!

«Все эти лица представляют для США несомненный интерес, поскольку будут являться старшими офицерами корабля из будущего, а также носителями важной информации, в отличие от рядового состава. Необходимо приложить все усилия для контакта с любым из источников, в целях получения интересующих нас сведений, вербовки, вплоть до насильственного удержания и тайной переправки в подконтрольные нам владения».

Последний пункт содержал ремарку: «рассматривать как крайнюю меру до особого распоряжения в положительной ситуации».

В Лэнгли вполне обоснованно полагали: «Надо использовать все возможности выхода на пришельцев, пока они (согласно имеемой информации) могут появиться в сравнительно открытых Москве или Ленинграде. Тогда как в полностью режимных городах наши возможности крайне низкие. Тем не менее, в поле нашего интереса попадают...»

Ориентировка операции (ей дали кодовое название «Бездомный») в первую очередь основывалась на мониторинге за известными исследовательскими институтами, конструкторскими бюро и предприятиями, ориентированными на военную промышленность. В сферу наблюдения в том числе входили Министерство обороны, Генштаб, Морское управление.

К делу подключались завербованные агенты, «кроты» и «инициативники», имеющие доступ к государственным службам СССР³⁰.

Что характерно, сам Кремль рассматривался скорее умозрительно... Во-первых, режим охраны и подступы к «правительственной цитадели» давали околонулевой шанс контакта с «объектами заинтересованности»... как то перехват и прочие оперативные действия. Во-вторых, эксперты ЦРУ оценивали посещения «старцев Политбюро» как разовые, полагая, что пришельцы скорей уж окажутся на Лубянке (вплоть до пресловутых застенков).

И делая отступление, надо сказать, что в этих выводах американцы допустили системную ошибку – здесь скорей всего сыграл профессиональный выверт преувеличенной компетентности (иначе «самоомнение»). Они полагали, что неплохо осведомлены о царящей внутри советского партийного аппарата атмосфере – консервативной, ревностно относящейся к своим привилегиям, где чужакам вряд ли будет место. Основывалось это мнение на продолжительных исследованиях, донесениях завербованных агентов и информаторов непосредственно из среды самой номенклатуры.

Кроме того, имела место быть недооценка информационной составляющей, несомой пришельцами, которая (как оказалось) захватывала не только техническую и, вероятно, политическую стороны, но и более широкие области. Это заблуждение выявилось уже позже, когда полноценно начала реализовываться «Большая игра разведок».

Еще одним промахом было то, что, не понаслышке зная о «жестком» режиме контрразведывательных органов СССР, американские службисты буквально сами себя накрутили, будучи уверенными, что уж таких-то «гостей» будут охранять на «президентском уровне».

³⁰ «Крот» – внедренный в структуру противоположных сил агент. Главное отличие от классического шпиона-разведчика заключается в том, что «крота», как правило, вербуют заранее, с прицелом, что впоследствии он достигнет высокой должности. «Инициативник» – те из советских граждан, кто инициативно предлагал свои шпионские услуги.

В ЦРУ и помыслить не могли, что носителя информации из будущего сопровождает всего пара-тройка (включая персонального водителя) человек, да лишь еще в отдалении боится оперативная машина.

Это мы о капитане 1-го ранга Терентьеве.

* * *

Кабинет резидента разведки (правильней бы назвать апартаменты – переходящий вымпел от шефа к шефу) был оборудован со всем комфортом и удобством, включая мягкие диваны и бар с напитками.

Здесь в основном и проходили рабочие стыковки с сотрудниками, а теперь вот и с вашингтонскими делегатами. Однако необходимая осторожность соблюдалась неукоснительно – проверки на прослушку спецнами из радиотехнического отдела проводились с регулярной периодичностью, но чем черт (КГБ) не шутит. Поэтому деловые разговоры велись полунатаками, бросая короткие, понятные лишь оперативникам фразы. А когда надо было произнести что-либо сложносоставляющее – по существу, предпочитали писать друг другу молчаливые записки.

– Пожалуйста, вот недостающие обновления. Сегодня доставлено дипкурьером, – в табели о рангах США Госдепартамент стоит выше ЦРУ, но в команде новоприбывших всем заправлял однозначно контрразведчик. Он и положил перед Гербером несколько фотографий.

Впрочем, сидящий нога на ногу в кресле представитель Госдепа, лениво чадающий кубинской сигарой, внес свои «два цента» в беседу:

– Разумеется, джентльмены, с КГБ у нас зреет «Большая игра»... но зная, с кем мы имеем дело, было бы глупо складывать все яйца в одну корзину.

На снимках были изображения четырех человек, в разных интерпретациях, в разной степени подробностях, выполненных графическими набросками.

– Портреты сделаны по описанию аргентинского военного, бывавшего на «крейсере». Достоверность оставляет желать лучшего. Сами понимаете. К сожалению, наши коллеги в Аргентине немного напортачили, источник информации пришлось устранить. Об этом стало известно аргентинским спецслужбам, что вызвало ответную реакцию. Иначе говоря – другие лица, могущие дать дополнительные данные подобного характера, были немедленно изолированы. Подступиться к ним нет никаких возможностей. Тем более, сами знаете, сейчас у нас не самые хорошие отношения с Буэнос-Айресом.

По словам очевидца... – колода фотографий выборочно тасовалась, раскладываясь веером на журнальном столике, – вот это командир корабля. А это его первый помощник. Еще двое – кто-то из старших офицеров, но не факт. Аргентинский информатор мог и ошибаться, а наши аналитики допускают, что, с не меньшей вероятностью, имеет место быть некий собирательный образ.

Поскольку... представьте: мостик корабля или другие боевые помещения, старшие офицеры, вахтенные или еще какие-то офицеры, все в однообразной форме, в фуражках (как видите, часть портретов в головных уборах)... В общем... главную ориентировку делайте вот на этих двух персонажей. Их надо размножить и выдать вашим агентам.

Операция начинала обрастать деталями и источниками.

* * *

Спустя календарные дни, когда «Петр Великий» прошел Арктическим северным путем, спутниковая разведка США смогла почти досконально выявить, где крейсер встал на причал, какие вокруг него навели коммуникации, где на суше разместили экипаж.

Четкость изображения позволяла «нарисовать» подробный чертеж военного городка и весь многослойный периметр за «семью колючками и кордонами».

После тщательного изучения фактов вывод экспертами был сделан закономерно вытекающий – замкнутая или полужамкнутая система. Подступиться невозможно.

Специалисты сделали предположение, что объект охраняется в две стороны: от проникновения извне и с откровенной ориентацией во внутреннюю сторону.

– Что ж, вполне обоснованно и целесообразно, – прокомментировал сей факт директор ЦРУ Уильям Кейси, будучи на личном докладе президенту, – случись у нас такой «подарок», поступили бы аналогично.

– Даже у нас, в Соединенных Штатах? – удивился Рейган. – Есть же какие-то программы по варианту о защите свидетелей...

– Весь экипаж? Сколько их? Не менее тысячи человек. Спрятать такую ораву очень сложно. А риски остаются весьма большие. Удивительно, что русские разместили их всех вместе (по косвенным данным это так), а не отделили офицеров и специалистов от бестолковых матросов-срочников. От последних в итоге, выпотрошив любую полезную информацию, можно и избавиться. Впрочем, как говорится, еще не вечер.

– Вы серьезно?

– Вполне. А если нет... – Кейси в который раз пригляделся к снимку, где, конечно, особо выделялись кубики и параллелепипеды сооружений, прямые линии дорог. – Допустим, созданы наиболее комфортные условия проживания... по большевицким меркам. Но это север. Вполне прогнозирую, что через время некоторые поднадзорные не выдержат подобной изоляции и попытаются сбежать. И в этой мутной воде нам надо не упустить свою рыбку.

– А дальше... – с интересом спросил «гарант национальной независимости и демократии», бросив кивок на фото, – что коммунисты предпримут?

– Не думаю, что побег... или вообще, если произойдут бунты, повлекут послабление режима. Скорей наоборот. Вплоть до наказания, индивидуальной изоляции, а то и расстрелов. Черт возьми, почему бы нет? Но, так или иначе, любая система со временем имеет свойство расшатываться. Проникновение за периметр, в ту или иную сторону, лишь вопрос времени. И тогда... – Кейси искренне рассмеялся, – наши офисные романтики уже подкидывают версии в лучших традициях шпионских романов «плаща и кинжала» – прокрасться под покровом ночи или когда надсмотрщикам и заключенным самим все это осточертеет, явиться внаглую разносчиками пиццы.

Смеялись уже оба. Рейгану нравились подобные шутки.

* * *

Понятия «геополитика», «стратегическое планирование», «политическая стратегема» обитают в высоких умах и масштабах.

Стратегия Советского Союза изначально генерировалась на идеологии. В этом была ее когда-то сила, а с некоторых пор, когда идеология начала догматически деградировать, превратилась в слабость.

Европейский, американский и даже азиатский «капитализм» уверенно обходил «советский проект» по всем статьям. А еще одна беда СССР в неизменности верхушки власти – она устоявшаяся, ее изучили, знают, что от нее ждать. Отсюда строились все политические и экономические многоходовки Запада, планомерно разрушающие структуру политического конкурента.

Инсайд в 30 лет не бог весть какое опережение. Особенно если говорить о технической сфере, где Советский Союз отставал по многим направлениям на пять, десять и более лет. И тем не менее – 30 лет это немало.

Само осознание, что кто-то обладает инсайдерскими знаниями, путало все карты – прогнозируемый противник теперь становился плохо просчитываемым, так как опирался на данные, выходящие за известный шаблон. И еще раз можно напомнить, что никто из вашингтонских руководителей, ни даже директор ЦРУ (а этот черт должен быть более прозорливым), не смогли спрогнозировать высокий информационный актив, содержащийся в электронных запасниках экипажа «Петра Великого».

Уильям Кейси уже неоднократно, сам не замечая, что повторяется, пряча от подчиненных что-то тоскливо проскочившее в глазах, мог произнести или просто подумать: «Мы столкнулись с исключительно новыми факторами, для оценки которых у нас нет уверенных критериев».

И, несомненно, у него были основания подозревать, что с крейсером-пришельцем в руки КГБ могли попасть данные по завербованным ЦРУ агентам, впоследствии раскрытым и выявленным.

И тот же Кейси говорил по этому поводу:

– Если это так и к русским что-то просочилось, мы в заведомом проигрыше. Но если это так, я бы предпочел видеть, как идут полавальные разоблачения и аресты. Это расставило бы точки над «i».

Но их нет! Арестов. А потому мы будем постоянно дергаться, подозревать, не спать, доводя себя до профессиональной паранойи. Конечно, мы ведем проверки и осторожные прощупывания всех подконтрольных «объектов». И конечно, будем уповать на известную тотальную секретность большевиков, даже от «своих». Это обнадеживает, ибо... ну, откуда морячкам знать обо всех «скелетах в шкафу» КГБ?

* * *

Что касается противной стороны...

На самом деле то, что официальный контакт с «Петром Великим» практически сразу взяли под контроль спецслужбы (а как иначе), а представителем крейсера выступил именно офицер особого отдела, в числе первого предоставив все, что у него было по известным агентам западных разведок, «кротам» и другим предателям (особенно в системе самого КГБ, Министерстве обороны и Генштабе)... это был зачет на все сто!

Это позволило сразу купировать практически любую утечку информации.

В свою очередь служба контрразведки КГБ получила колоссальные данные о провалах в своей системе. И можно лишь вообразить (с художественной фантазией), впрочем, не особо уходя от истины, какой удар под дых получили товарищи из компетентных органов, оказавшиеся некомпетентными! Одно дело выявить в год одного, двух, трех переметнувшихся на ту сторону...

Или вот так – оптом, на десяток лет вперед, включая тех, кто еще «не», но уже латентно «почти».

Работы в «конторе», вне сомнений, прибавилось, но разоблачать, арестовывать, карать товарищи из 2-го главного управления (контрразведки) не спешили... Даже тех, кто был бесполезен в дезинформационной игре – ни к чему давать повод визави по ту сторону «невидимого фронта» думать, что противник получил свои излишки информации.

Поэтому к разработке «котов», информаторов и прочих «сочувствующих» подошли осторожно и тонко – кому-то ненавязчиво перекрыв доступ к важным и секретным данным, кого-то используя втемную, кому-то подсовывая аккуратную «дезу», за кем-то просто наблюдали, оставив «на потбм».

И скорей всего именно поэтому (однако не будем отбрасывать случайность и стечения обстоятельств)... но именно поэтому затеянная американской резидентурой операция поиска «выходцев с крейсера» прошла мимо чуткого внимания КГБ.

Естественно, что до поры.

* * *

Бертон Гербер стоял перед настенной картой Москвы и Подмосковья, запасшись канцелярскими иголками, прикалывая ими бирки в уже и без того помеченные точки на городской топографии.

Часть из этих маркеров были условленными местами встреч, «закладок» и других ориентиров для полевых агентов.

Сейчас же Гербер акцентировался на военно-административных и других режимных советских объектах «оборонки», так тщательно маскируемых русскими под гражданскую промышленность.

Из Лэнгли прислали сравнительно подробный список известных боевых систем нынешнего крейсера «Кирова» и всю доступную информацию, где это может разрабатываться, проводя нехитрую аналогию с нынешним «возмутителем спокойствия» (имеется в виду «Петр Великий»).

По понятным причинам эта подборка скорей всего являлась неполной (при всем желании, всего американские спецслужбы знать не могли), поэтому на морской специализации решили не ограничиваться – приказано было взять в разработку и другие «подозреваемые» секретные предприятия СССР.

– Где я им столько людей найду? Пришлют «нелегалов»? – Ворчливо вздернув бровь, Бертон перевел взыскательный взгляд на картотеку, где был собран весь людской арсенал, коим располагала служба на территории Советского Союза.

Практику заброски «нелегалов» ЦРУ (кстати, совместно с британской СИС) прекратили еще в середине пятидесятых. Тогда все операции пришлось свернуть, как совершенно бесперспективные – практическое большинство нелегально переправленных на территорию Советов групп было убедительно ликвидировано советскими органами госбезопасности.

Был еще полупассивный ресурс – воспользоваться услугами лиц, не защищенных дипломатическим статусом. Сюда входили заезжие и аккредитованные западные журналисты, представители иностранных торговых фирм и компаний, различного рода специалисты по линии научно-технического и даже военного сотрудничества. А также студенты и аспиранты, обучающиеся в ряде городов страны.

Как правило, на них «вешались» бытовые и профильные контакты с советскими гражданами, визуальное наблюдение, обработка открытых источников.

Но, разумеется (и Гербер это прекрасно понимал), главную ставку придется делать на активных агентов. Бесценных реализованных и выжидающих «кратов». С большой вероятностью и риском провала.

На использование в группах наружного наблюдения местных граждан-непрофессионалов против опытных «топтунов» КГБ американская резидентура шла с большой неохотой. Особенно в серьезных и рискованных операциях.

«Иного нам не остается», – Гербер практически закончил со столичным сектором, переходя к большой карте евразийского континента, где красным распласталась «одна шестая часть суши».

«География» советского военно-промышленного комплекса была разбросана по всей стране. Конечно, «щупальца» ЦРУ тянулись и туда, и кроме московского подразделения у службы были филиалы в других крупных городах, так называемые «оперативные группы, под-

чиненные столичной резидентуре». Как, например, подразделение, действовавшее под прикрытием генерального консульства США в Ленинграде.

Вместе с тем основные конструкторские бюро СССР, научно-промышленные объединения военной ориентации были сконцентрированы в столичном округе. Несомненно, это намного упрощало задачу. Тем не менее...

Делая себе «зарубки» в голове, ставя в актив работу с «инициативниками» и другими диссидирующими элементами, Гербер перешел к рабочему столу, достал специальный оперативный журнал, внося соответствующие записи.

Требовалось составить и расписать элементы агентурных операций. На каждого индивидуально. С кем-то по работе в столице, с кем-то согласовать детали поездок по стране.

Сюда же включался набор сугубо технических процедур – классические «явки», «пароли», «закладки», «способы связи», включая те самые светокпии «ксерокса» с распечатанными фотопортретами озвученных членов экипажа крейсера. Делались они на тонкой специальной бумаге, так как плотные фотокарточки быстро не уничтожишь, случись такая потреба при провале.

Список используемых агентов был составлен предварительно, операционист просмотрел «личные дела», выписав только обезличенные псевдонимы, предоставив начальнику выжимки их данных.

Но даже это шеф подразделения не стал перечитывать полностью, полагаясь на компетентность подчиненных. Лишь выдернул из списка случайным порядком тройку досье, бегло пробежав глазами по характеристикам.

Среди прочих был агент по кличке «Октавия» (и здесь снова можно было бы сказать о причудах сюжетных совпадений...). На псевдоним Гербер практически не обратил внимания. Почему «Октавия»? Неважно! Оперативные прозвища выбирались произвольно, чтобы в меньшей степени соответствовать личности и внешним характеристикам абонента. Не персонифицируя.

Привлекла внимание приклеенная к делу фотография – молодое лицо, правильные черты.

«Смазливое», – почему-то скривился Бертон. К таким типажам он относился неоднозначно и недоверчиво – студенты-переростки, «золотая молодежь», сочувствующая западным ценностям творческая интеллигенция, свободные отношения, если не более...

Минусом – неочевидные перспективы выхода на секретную и интересующую информацию, а также не выраженные мотивы для агентурной работы.

«Скорей психологические, – снова кривая ухмылка шефа резидентуры, – ремарка – инакомыслие протестное, на волне модных в определенном кругу тенденций. Завтра – другое увлечение, и что там на уме, неизвестно. Хотя деньги любит. К деньгам люди привыкают быстро. Так, далее. Привлеченные операции: в основном выполнял мелкие поручения...»

Собственно, у агента был свой индивидуальный ресурс, положительно использованный пока единственный раз... применительно к подробностям операции как «наживка» в одном пикантном деле сексуального характера.

«Пробежав» по кратким деталям, Бертон и в этом месте выразил не столь неположительную, сколько снисходительную эмоцию.

На данный же момент в рамках операции «Бездомный» бралось во внимание удобство проживания агента «Октавия» в районе Хамовники в шаговой доступности от места, где располагался комплекс зданий Минобороны СССР. Это позволяло подключить агента (под видом регулярных прогулок) к оперативной работе по визуальному наблюдению за столь важным объектом.

«Русские только уплотнили свои контакты с Аргентиной, и все военные дела проходят через их Министерство обороны. На этом направлении следует смотреть с особым вниманием».

Шеф резидентуры отложил бумаги, чуть откинулся в кресле, задумчиво подергивая себя за мочку уха (еще детская привычка). Вернув «дела» в общую стопку, нажал на кнопку вызова секретаря.

«На дальней станции сойду...».

Южная Атлантика

Наверное, все аэродромы военного базирования похожи. Авиабаза «Коменданте-Эспоре» в Рио-Гранде не была исключением.

Аргентина, несомненно, страна «третьего мира» со всеми характерными чертами. Но ее ВВС строились по западным лекалам, сначала перенимая германский, затем американский опыт. Присовокупить сюда горячую латинскую импульсивность – выходило нечто среднее и вполне сопоставимое с нашенским русским порядком. Или беспорядком.

Особенно помня о тиражируемой самими авиаторами поговорке: «Там, где начинается авиация, там кончается дисциплина».

Возможно, свою лепту несла и нервозность, и томительные перерывы между боевыми полетами, и не самое удачное течение войны. И потери. В людях и в технике. Поэтому прибывшие в далекую страну на другом континенте, в другом послушании советские военные специалисты не встретили ничего сильно разнящегося с их понятием «служба».

К русским у местных отношение было доброжелательное. Особенно после ухандоканного крейсера «Петр Великий» английского авианосца «Инвинсибл».

Здесь ни особист, ни замполит, ни строгий отец-командир были не властны – информация благодарно распространилась от самих аргентинцев.

А Паша Беленин так и вовсе выпал в осадок: «Одуреть! Я ж этого ветерана – “Орлана” воочию видел! Наверняка морячки с него по Камрани мимо хаживали, плечом задевали, прикурить спрашивали. То-то так все серьезно вокруг этого “Петра Великого” навертелось, когда вели-прикрывали его до полупутья. Не... ну, наши молодчаги! Ну, борзота! Ну, дают! Наддали жару империалистам – замочили-таки авианосец. Пусть и куций – английский. Да еще и всего одной ракетой (если мучачос не врут)!»

Аргентинские летчики, как, наверное, все летчики мира, высокомерно отзывались о моряках. Тем более в их случае, когда фактически только авиация принимала на себя всю тяжесть войны, противостоя экспедиционной флотилии Альбиона.

Еще в самом начале кампании командующий морскими операциями Аргентины вице-адмирал Х. Ломбардо, сравнивая собственные силы флота с группировкой противника, где особенно подчеркивал наличие серьезной угрозы со стороны британских атомных подводных лодок, признал бесперспективность классического морского сражения с английской эскадрой.

Потеря двух самых крупных кораблей аргентинского ВМФ – крейсера «Генерал Бельграно» и авианосца «Вейнтисинко де Майо», торпедированных именно вражескими субмаринами, – только показала правоту этих выводов.

А вот о походе «Сан-Педро», как тут называли русский тяжелый крейсер, ходили едва ли уже не легенды. К чести аргентинских ВВС, им тоже было чем похвастать. Смуглые пилоты с гордостью рассказывали коллегам из далекой России о своих подвигах, перечисляя поврежденные и потопленные вражеские корабли.

Контакты с аргентинскими пилотами надо было налаживать, в том числе по части изучения языка, вот и находили точки соприкосновения – чисто в своей, летческой специфике: Густаво, пилот «Даггера» 3-й истребительно-штурмовой эскадрильи ВМС, выводил ладонями

заход его «четверки», показывая все нюансы противозенитного маневрирования – рассказ шел об атаке на американо-ленд-лизовский «Тарава» под Юнион Джеком.

Тараторил, естественно, на испанском языке. Помогали, переводя, кубинцы.

Из рассказанного выходило, что звено Густаво (позывной «Ратин»), потеряв две машины, сумели прорваться к кораблю, поразив палубу в районе надстройки. Еще две бомбы упали под самым бортом (что впоследствии подтвердилось в британских отчетностях: «гидроудар нанес серьезные разрушения корпуса... прямые попадания не могли бы доставить нам стольких неприятностей».) А в довесок отработала торпедой подводная лодка «Сан-Луис», но это англичане уже опровергали.

Отвлекишись, стоит сказать, что «Тарава» остался на плаву. Получил крен. Обильно подымив пожаром, сумел своим ходом убраться в английский отстойник для инвалидов в бухте острова Южная Георгия, где куковал свое «Инвинсибл»... Этот выбыл из пространства войны окончательно.

А вот судно «Тарава», задетые за живое американцы обязательно обещали ввести в строй, списывая плохую противопожарную организацию на неопытность английского экипажа, не успевшего толком освоить чуждую матчасть. Но то, что на борту «арендованного в войну корабля» продолжали нести службу гринго-янки, в Буэнос-Айресе и не сомневались.

В штабе аргентинского командования подумывали спланировать диверсионную акцию, чтобы добить подранка. Однако удаленность Южной Георгии от материка делала почти невозможной поддержку атаки с воздуха. Ко всему все опять упиралось в присутствие британских подводных лодок. В том числе имели место быть небезосновательные подозрения, что американцы что-нибудь обязательно предпримут, обеспечивая безопасность своих ремонтных бригад.

Но продолжая. О наших...

То, что перед отправкой компетентные товарищи из органов заинструктировали всех о недопустимости разглашения места службы, это восприняли с заведомым пониманием. Сроки командировки не указывались, но почтовый адрес, как положено, был назначен, звуча нейтрально: «Москва-350, полевая почта...».

Смешно было, когда буквально на следующий день по прилете технари словили в радиоприемнике «Голос Америки», где ведущий поздравлял советских военных советников с прибытием в Аргентину, в зону Фолклендского конфликта. О названии спорных островов тоже следовало сделать особое внушительное разъяснение. Ответственный за авиационную часть советской миссии в Рио-Гранде (он же и командир эскадрильи в полковничьем звании) сразу предупредил, чтобы не вздумали даже случайно оговориться, обозвав их «Фолклендскими»:

– Только «Мальвинские», черти! Обидятся. Со своими уставами в чужой монастырь не ходят.

Разговоров об идеологии и коммунизме тактично избегали, потому как был на то недвусмысленный приказ от зама по политической, который явно руководствовался не собственными соображениями – все знали об отношении Хунты к коммунистам в своей стране. Пославшие их сюда «высокопартийной волей мя жены» товарищи, видимо, не хотели даже повода давать для разногласий и прекращения сотрудничества.

Что же касается организации обучения и боевой работы на профессиональном уровне, тут надо было понимать, что это не какие-нибудь африкано-папуасские ВВС, здесь не с чистого листа создавать. Приходилось согласовывать, подстраиваться, находить общую спецификацию взаимодействия.

Тем не менее учить язык на командном уровне, в том числе контактируя в воздухе, в радиоэфире, оказалось неожиданно легко. То же самое касалось и материальной части, так как вся лингвистика технической составляющей имела в базе либо немецкие, либо английские корни.

Кормили их местной кухней. Наравне с остальным летным составом. Поначалу опасались, что пища будет слишком острая (видимо, ориентируясь на кубинскую)... нет, вполне себе армейские сытные пайки, естественно, с повышенным нормативом для действующих пилотов.

Форму выдали кубинскую, так называемую «вер-де оливо», сохранив эквивалент званий. Разместили и в старых помещениях и явно в новеньких модулях для штатного летного контингента. Оружейников с группой обслуживания и регламентных работ (заводчан) – отдельно.

Условия быта были, скажем так, разные – где комфортно, где удивляли. По всей видимости, к такому наплыву «гостей» аргентинцы оказались немного неподготовленными.

Прогуливаться до ветру приходилось в специальные, но настолько знакомые, можно сказать, классические сооружения. Комэск (уже после второго дня пребывания) всех построил, вставив нравоучительный втык – кто-то успел отличиться, вдохновившись с нетленного «...в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке!».

Но вообще...

Отходя, становясь с ребятами перекурить... и если окинуть доступную взгляду территорию базы, спланированную практически на пяточке у самого берега: стелящуюся бетонку аэродрома, рулежки, складские сооружения, самолетные ангары, выстроенные рядком «бездомные» «Скайхоки», «Миражи-Даггеры»³¹ в отдалении и привычные родные Су-22 – «сушки», «сухарики»...

Так и слетало с уст:

– Тут, мля, куда наружу ни высунься, везде до ветру! Везде продувает: слева море, справа тоже море (точней океан)... в конце взлетки – совсем океанище! Судя по накатам, кажется там вечный шторм!

И только в тылу, позади, увы, не Москва. Но отступать некуда. Аминь!

Так что... вот оно такое Южное полушарие. Сбитые сезонные ориентиры.

Официальная зима в Патагонии начинается с июня. Июль самый холодный.

Прибыли они сюда 29 августа... и вот сентябрь держал не более «минус десяти». И фигня бы эти десять с минусом, если бы не все те же пронизывающие ветра, что разгонялись над океаном, обрушиваясь на голую, открытую, продуваемую землю... Так, что выстуженное воображение сразу дорисовывало где-то ниже по сетке координат сравнительную близость убеленных ледников Антарктиды.

Особенно страдали теплолюбивые кубинцы, белозубо улыбаясь, выговаривая по-русски: «Холодно... уж лучше в Москву под елочку», впервые познакомившиеся с морозами во время своей учебы в Советском Союзе. Впрочем, часть из них (летчики) практически сразу отбыла из Рио-Гранде на другие базы. Осталось всего четверо. С остальным личным составом кубинцев из роты охраны практически не пересекались – они вписались в аргентинскую систему непосредственной обороны военного объекта, рассредоточившись по зонам ответственности. И даже питались где-то отдельно.

Тут стоит оговорить особенно. На этом дополнительном эскортном подразделении кубинцев настояло советское руководство, располагающее некой достоверной информацией.

Суть. Еще в мае... оглядываясь на успех своих SAS³², совершивших диверсионную вылазку на полевой фолклендский аэродром аргентинцев, уничтожив при этом несколько легких поршневых штурмовиков, английским командованием был разработан дерзкий план налета на военно-воздушную базу в Рио-Гранде.

Операция была мотивирована как контрмера против базирующихся на Огненной Земле штурмовиков «Супер-Этендар», несущих противокорабельные ракеты «Эксосет». На их счету

³¹ «Скайхок» А-4 – лёгкий дозвуковой штурмовик американского производства (с середины пятидесятых), стоящий на вооружении ВВС Аргентины. // Также на вооружении ВВС Аргентины состояли истребители «Мираж» французского производства и их израильские реплики (по украденным чертежам), получившие название «Dagger M-5».

³² SAS (Special Air Service, *англ.*) – подразделение специального назначения вооруженных сил Великобритании.

уже было два корабля ВМС Ее Величества – эсминец «Шеффилд», а позже специальное судно «Атлантик Конвейер»³³.

В штабе контр-адмирала Вудварда серьезно опасались повторных ударов³⁴.

Операцию одобрили на самом высоком уровне, обозвали «Микадо» и взяли в производство, начав развертывание... Обещанное возмещение водоизмещения от союзников-американцев в виде однотипного «Тараве» вертолетоносца «Сайпан», где базировалось авиакрыло AV-8А «Харриер», лишь обещанным маршем было где-то еще на переходе. На подходе. Использовать единственный на то время в их распоряжении функциональный авианосец «Гермес» англичане поостереглись.

Поэтому на начальной стадии в операцию привлекли десантный корабль «Феарлесс», несущий необходимый для успешного решения задачи вертолет «Си Кинг». Эскортное сопровождение осуществлял фрегат «Бриллиант».

Отряд из двух кораблей совершил скрытый переход, приблизившись к территориальным водам Аргентины, выйдя к ночи на траверс острова Огненная Земля. С палубы «Феарлесса» поднялся «Си Кинг», на борту которого находились бойцы SAS – пока лишь группа разведки.

Вертолет должен был их высадить на подступах к аргентинской базе и вернуться. Прождав всю ночь, под утро кораблям пришлось покинуть опасный район, сменив точку дислокации дальше к востоку.

Время шло, и уже становилось очевидным – что-то пошло не так.

Оказалось...

Не долетев до цели двадцать километров, «Си Кинг» был подсвечен радаром корабля берегового дозора. У командира спецподразделения имелись все основания полагать, что скрытность операции нарушена, объект оповещен по тревоге и их будут ждать!

Тем не менее (англичане славятся своим упрямством) высадка спецназовцев была осуществлена.

Вертолет по каким-то причинам (пилоты уверяли, что их обстреляли с земли) пришлось бросить, а экипаж, перейдя границу, сдался чилийским властям. С последующим интернированием.

В итоге...

В итоге миссия провалилась.

Версии дальнейших приключений-мытарств троих бойцов SAS разнятся, но по официальной британской, их с побережья эвакуировала дизельная подлодка.

А вскоре наконец и английской разведке удалось установить, что французы успели передать Аргентине лишь пять противокорабельных «Экзосетов» воздушного базирования. Угроза миновала сама собой. В штабе Вудварда с облегчением вздохнули.

Реакция командования «Коменданте-Эспоре» на эту вылазку была немного запоздалой. При всех принятых мерах (подступы к авиабазе планово прикрыли дополнительными минными полями, в усиление периметра заступила сверхштатная рота морской пехоты), аргентинская сторона и не догадывалась обо всей серьезности намерений противника.

Генштаб СССР оказался информирован более детально, уверив Буэнос-Айрес, что попытка высадить спецназ была лишь рекогносцировкой перед более масштабной акцией. В Москве считали, что с прибытием советских подкреплений в Рио-Гранде угроза диверсии британцев снова становится актуальной. И настояли на перестраховке, в первую голову опасаясь в случае дурных стечений обстоятельств засветить присутствие советских военных на стороне воюющей страны. (В Кремле, видимо, к «голосам Америки» отнеслись, как «собака лает, ветер носит».)

³³ Импровизированно переделанное под авиатранспорт гражданское судно-контейнеровоз.

³⁴ Джон Вудвард, командующий силами Королевского флота Великобритании в конфликте у Фолклендов.

Откуда русские узнали о вражеском плане в таких подробностях, осталось за кадром. Аргентинцы просто принимали все на веру, поскольку у них уже была не одна возможность (еще в контактах с офицерами крейсера «Петр Великий») убедиться в исключительной осведомленности большевиков.

Сухие факты, сухие строчки, сухие мысли... иной расклад

И вот... за исключительно короткий срок, на лаконичных воинствующих картах тактическая зона вокруг Фолклендских островов, стратегические морские пространства от восточных берегов Аргентины (выше, ниже по сетке координат) были испещрены всевозможными пунктирами, разноцветными стрелками, значками и новыми характерными обозначениями:

...нарезались оперативные линии базовой авиации – от Рио-Гранде, Рио-Гальегос, Комодоро-Ривадавия, Сан-Хулиан...

...и трафика снабжения аргентинского оккупационного гарнизона...

...изгибалась вниз жирная коммуникационная пуповина от острова Вознесения – до условного эллипса, прорисованного в сотне миль к северо-востоку от спорного архипелага (в так называемой зоне TRALA), где маневрировали корабли экспедиционных сил Великобритании...

...были взяты во внимание Южная Георгия и Сандвичевы острова – тыловой отстойник англичан...

...ветвились крадущейся нитью трассы постоянных пролетов британских разведывательных «Нимродов» и подпитки танкерных «Геркулесов», что, огибая южную материковую оконечность, выходили уже в Тихий океан, привязываясь к чилийским аэродромам...

...и еще, и еще десятки намеченных маршрутов патрулирования, скрытного выдвижения, неожиданных ударов и... отступлений.

Из реальных исторических хроник известно, чем закончилась эта скоротечная война за архипелаг.

Военные теоретики авторитетно заявляют:

...сила флота на каждую условную тысячу миль пройденного пути уменьшается на 10 процентов,

...береговая артиллерия устойчивей корабельной,

...а базовая авиация всегда будет иметь преимущество над авианосной.

И надо отдать должное организационным, логистическим качествам англосаксов – они в кратчайшие сроки смогли мобилизовать свои вооруженные силы, оперативно передислоцировав эскадру к месту боевых действий, создав весомый перевес. Неоднозначной угрозой скрытного присутствия на коммуникациях атомных субмарин англичане вынудили своих латиноамериканских визави укрываться в портах, оставив мобильную войну на откуп аргентинской авиации, которая, оперируя с континентальных баз, работала в крайне невыгодной конфигурации удаленного плеча, появляясь в зоне боевых действий на короткий промежуток времени.

Дозвуковые «вертикалки» британцев оказывались в оперативном преимуществе.

И на сухопутно-островном фронте, проведя ряд решительных военных операций, англичане вынудили гарнизоны противника сдаться. Уложившись в короткие сроки... до начала наступления зимы.

В нашей же истории случился случайным случаем (это не тавтология, а правдивая цепь неповторимых событий) тяжелый крейсер «Петр Великий» проекта «Орлан», заряженный ПКР «Гранит», и... и прочая, прочая, прочая.

В результате баланс сил закономерно начал клониться в сторону «местных», тогда как у «пришлых» заметно поубавилось прыти... Упало и моральное состояние личного состава.

Да еще добрые русские (так и хочется сказать «дяди») с «залетного» крейсера подкинули аргентинским военным прелюбопытной информации военно-технического характера. И теперь аргентинские бомбы (Мк-17 американского производства), что взрывались хорошо если одна из пяти, подняли этот процент³⁵. Впрочем, не на все «сто». Видимо, дело было не только в неуспевающих взвестись взрывателях, а еще и в изрядной заржавелости стареньких боеприпасов.

Как свидетельство этому можно привести случай с фрегатом «Антилоуп», когда при попытке извлечь из его утробы встрявшую, затаившуюся Мк-17 она все-таки рванула.

Так или иначе, список попорченного «добротного английского железа» заметно возрос. Но главное, что удалось добиться аргентинцам – сбить наступательную ритмику противника, не дав с ходу закрепиться на плацдарме, тем самым развить успех – втянуть сухопутные силы англичан в позиционные, изматывающие бои.

А между тем «Петр» ушел. И остались две противоборствующие стороны на «а» (в смысле – аргентинцы и англичане) сам на сам. Впрочем, в конфликт влезла третья «а» – американцы. Теперь дело с их стороны не ограничилось продажей вооружений и различного военного снаряжения³⁶.

Сменивший флаг универсальный корабль «Тарава» стал существенным и показательным фактором. В кокпиты «Харриеров», понятно, усаживались коренные кокни да валлийцы, но в судовых потрохах, на боевых постах, в составе вахт обязательно присутствовал дублирующий хозяйский глаз янки.

Тем не менее стало очевидно – темп британцами был потерян.

Английские войска высадились на островах и, несмотря на то, что смогли прочно закрепиться на плацдарме, вести активные наступательные операции оказались не в состоянии. Проведение необеспеченных героических атак британское командование посчитало неоправданным.

Для гарантированного успеха требовалось переправить и сосредоточить на суше дополнительные ресурсы – технику, вооружение, материальные запасы. Но тут сказалось месячное запаздывание... в права вступала местная зима. Задудли холодные ветра из Антарктики, которые несли туман, изморозь, над всем театром военных действий преобладала штормовая, нелетная погода. Небо затянуло низкими тучами, стреляя снежными зарядами, дождь перемешивался с градом.

Все это сковало действия авиации, одинаково мешая и той и другой стороне, – у британцев случился ряд катастроф из-за потери навигации, обледенения машин. Самолеты вертикального взлета и посадки оказались очень чувствительными к резким и шквальным порывам ветра.

Аргентинские пилоты с трудом выискивали свои цели. Остекление фонарей самолетов покрывалось не только солью (такое часто случалось), но и тонкой коркой наледи, что затрудняло видимость вплоть до риска по возвращении совершить аварийную посадку. Это и привело к ряду навигационных аварий.

Наступила тактическая пауза.

Англичане накапливали ресурс тыла, спешно компенсируя убыль, перегоняя из метрополии в район эскалации новые суда и корабли, продолжая накапливать материальные запасы на промежуточных пунктах – на острове Вознесения и чилийской базе Кабо-Хорнос. Дополни-

³⁵ Причину неразрывов американских Мк-17 (уже, кстати, заметно устаревших) эксперты списывают на то, что аргентинские пилоты, избегая зенитного противодействия англичан, сбрасывали бомбы с бреющего полета и малых дистанций. При этом предохранитель-вертушка взрывателя не успевал «докрутиться» до момента срабатывания.

³⁶ Военная помощь США Великобритании в Фолклендском конфликте превысила 60 миллионов долларов. // В списке: ракеты «Сайдвиндер» – самые показательные в воздушных боях, ПКР «Гарпун», переносные «Стингеры», артиллерийские снаряды, мины и другие боеприпасы. Также гидроакустические станции, запчасти к вертолету «Чинук». И 47,5 миллиона литров авиационного топлива.

тельно переброшенные собственные «Харри-ер GR3» и американские AV-8А позволяли наращивать воздушные силы. Чего, кстати, не могла делать Аргентина.

Практически после каждого боевого вылета ударных групп приходилось вычеркивать... одну, две машины. Уже далеко не новые «Скайхоки» постоянно страдали техническими проблемами, нередко после взлета вынужденно возвращаясь на аэродром, прервав выполнение задания.

В условиях эмбарго и международных санкций невозможности пополнить парк авиатехники, эти потери оказались для аргентинских ВВС невосполнимыми. Аргентина, даже в тех своих тактических победах, медленно, но очевидно неукоснительно шла к стратегическому поражению.

А вот премьер-министра Великобритании госпожу Тэтчер столь неторопливый ход боевых действий совершенно не устраивал. Положение лидера консерваторов было весьма шатким, ей нужны были победы...

– Черт возьми, – срывалось с уст леди (пусть и «железной»), – скорые и решительные победы!

Содержание войны подразумевало быстрый и решительный захват островов, возвращение территории под флаг короны, и Маргарет неоднозначно выражала свое недовольство военным.

Командующий ВМС Великобритании адмирал Дж. Филдхауз и непосредственный исполнитель на месте контр-адмирал Вудвард в не меньшей степени осознавали необходимость решить задачу до наступления сильных холодов. Но ничего не могли поделать.

Сами бритты столкнулись с не меньшими неприятностями – системы ПВО кораблей оказались не на высоте. Техника не выдерживала длительного нахождения в штормовом море, начав давать многочисленные сбои в самый неподходящий момент.

Британское соединение продолжало оставаться на исходных позициях в тактической зоне TRALA, однако состояние океана доходило порой до невыносимого, вынуждая корабли и суда искать защиты в заливах островов. На кораблях проводили срочную ревизию, привлекая представителей фирм – изготовителей оружия.

Стоит ли говорить, что этим не пытались воспользоваться аргентинские ВВС, устраивая небезопасные для них же самих налеты штурмовиков. Впрочем, англичане ни разу не рискнули загнать в опасные ловушки авианосец. Где они и могли себя спокойно чувствовать, так это на архипелаге Южная Георгия. Что естественно еще ближе к Антарктиде, где заваленные снегом корабли буквально обрастали льдом, заметно проседая в ватерлинии.

Немилосердные погодные условия вызвали задержки с восстановлением подраненного «Таравы».

Облегчением для флота Ее Величества стало то, что по мере совершенствования и насыщения береговой системы ПВО можно было постепенно уводить разгрузившиеся вспомогательные суда.

Уменьшалась нагрузка и на военные корабли.

В поселке Сан-Карлос был организован полевой аэродром, способный принимать самолеты вертикального взлета и посадки. Но так или иначе, наступившие холода заморозили практически всю боевую активность.

Мало летала авиация. Обледеневали радарные решетки на кораблях. И на суше солдаты с обеих сторон больше были озабочены согреванием собственных тел, а не шинкованием свинцом тел противника. Воевать зимой вообще мало кто любит... и мало кто умеет. Только у немногих получается: однажды у финнов, и не однажды у еще одних, у тех самых, у которых «позади там что-то... и отступать, мать-перемать, некуда».

Но не будем отвлекаться на лирику.

На сухопутном, досель нестабильном, разбитом на две островные группы (Западные и Восточные Фолкленды) фронте фаза войны приобрела неожиданно четкие и стабильные очертания.

Аргентинцы владели теми позициями...

Англичане владели этими.

Нет. Упрекнуть британцев было не в чем – они проводили вылазки, периодически атаковали, прощупывали оборону противника на прочность. Но были лишь старательны. Без огонька.

Холодно.

И все прекрасно понимали, что тактическая пауза продлится не более чем пару месяцев, пока не потеплеет. И обе стороны по возможности накапливали силы для будущих столкновений.

Зная, как все повернулось в той, другой (известной), истории, можно сказать, что эта передышка для аргентинцев оказалась желанной и однозначно удачной версией событий. Они успели создать на архипелаге сравнительно развитую систему обороны. Особенно у своего главного форпоста – так называемой оперативной группы «Мальвинские острова», в районе Порт-Стенли, где устойчивости обороны способствовал окружающий залив возвышенный рельеф местности, позволяющий организовать удобную защиту плацдарма. Там же располагался аэродром, способный принимать грузовой транспорт.

По мнению аргентинского полевого командования, рапортующего в штаб на материк: «На имеемых в данный момент хорошо подготовленных позициях, в доступности к запасам и источникам снабжения, войска имеют все шансы успешно сдерживать британский натиск». При этом делалась невнятная оговорка: «...до наступления климатических изменений...»

Именно снабжение было слабым местом аргентинской сухопутной группировки. Даже и в тех ненастных и неблагоприятных для использования «Харриеров» и ударных вертолетов условиях, взлетно-посадочная полоса Порт-Стенли регулярно подвергалась бомбардировкам. Ее всякий раз терпеливо восстанавливали, и тогда «по звонку» удавалось принять транспортный самолет С-130 «Геркулес». Но удавалось далеко не часто.

Несмотря на то, что аргентинский флот оставался в локальном пассиве и морские транспортные перевозки, обеспечивающие островную группировку, были сведены к минимуму, основное снабжение гарнизона все же осуществлялось по морю.

А ближе к августу ветра поумерили буйство. Полез вверх температурный столбик.

Обе стороны зашевелились.

Стоит вспомнить, что советский сухогруз-твиндекер «Физик Курчатов» с военными грузами прибыл еще в июле и...

Москва. Кремль

– Ну и как продвигаются дела «кровавой гэбни»? – по тону Андропова нельзя было точно сказать, шутит ли он... но замерший с отчетной папкой Крючков сделал правильный вывод: Юрий Владимирович со свойственной ему самоиронией все же ерничает, отталкиваясь от бытующих в «демократическом веке» штампов.

– Мы привыкли, что такое мнение о нас – это непременно вражеская западная пропаганда, – продолжал скрипеть тихим голосом Андропов, – тогда как все наши помыслы направлены на защиту интересов страны, социалистического справедливого строя. Для нас это непреложная аксиома... парадигма. Лично я никак не замечаю своей «кровавости». Неужели мы слепы, неужели замылился взгляд, а люди видят в нас именно и только эту «гэбню»?

Это был вопрос «в никуда»... риторический, и генерал-лейтенант терпеливо слушал, лишь мельком подумав: «Щелоков, придя начальником в МВД, выдвинул девиз “Нас должны любить и бояться”, а КГБ на любовь даже и не претендует».

– Несомненно, – Андропов так и не поднял головы, казалось, будто он что-то вычитывает из разложенных на столе бумаг, – мы не безгрешны, в партию лезут карьеристы и беспринципные негодяи, формализуя саму суть и идею коммунизма. А власть всегда надменна... и чем мельче сошка, тем больше пуп. Но во всех этих политологах и журналистах, в их обвинительных оценках, помимо западной пропаганды, я вижу еще и бездарное невежество... Они берут лишь то, что лежит на поверхности, не углубляясь в технические детали и сложности управления обществом. Или мы все же допускаем профессиональные перегибы?

Крючков молчал. Он вообще относил подобные отступления шефа к слабости, списывая их на его старость и обрушившуюся неожиданную «правду грядущего».

«Распустились они там – в будущем, это к бабке не ходи. Пусть мы чего-то недоглядели, где-то перегнули... но порядок, даже в той проклятой гласности и интер-мать-его-нете они там, при президенте из КГБ, сумели навести. А значит, и мы сможем!»

Сам считал, что собрав все факты, надо лишь выбрать правильную стратегию, отстояв завоеванное, вытащить страну из той трясины, в которую ее завели оседлавшие партию законстеленные карьеристы и, что уж скрывать, одряхлевшие члены Политбюро.

Против Андропова он ничего не имел, тем более что тому уж недолго осталось, но, конечно, генерала волновало, кто потом возглавит партию и страну. Себя на «вершине» он по скромности не видел, но около, рядом с властью, – несомненно.

* * *

Едва стала доступна информация из будущего и раскрылся шокирующий текущий исторический сценарий, включая даты, сроки, персоналии, переход руководства к Андропову – «второму человеку в партийной иерархии и государстве» – становился почти неизбежным. Одним из аргументов служило то, что так произошло, сложилось исторически... по известным фактам. Во-вторых, вся операция с «крейсером-близнецом» сразу попала в ведение КГБ, во главе которого известно кто стоял³⁷. В-третьих, скоростистость такого хода была предпринята остротой момента и ситуации – надо было реагировать немедленно.

Самым простым образом, без лишних сложностей и проволочек, не созывая полного состава Политбюро, «утрясти» этот щекотливый вопрос виделось в прямом обращении к Брежневу.

Действующий генсек уже не однажды подавал заявления, отпрашиваясь на пенсию, но старого больного человека соратники по партии безжалостно и «любовно» держали «до последнего», опасаясь, что после его ухода начнутся нежелательные пертурбации в аппарате власти.

Тем не менее и Андропов до поры тянул с докладом обо всем происходящем на Дальнем Востоке, тщательно и избирательно готовя материалы для подачи генеральному, в первую очередь, вымарывая собственные ошибки.

Долго скрывать от генсека неординарность ситуации, военно-морскую операцию, само происхождение крейсера, конечно, было невозможно – несмотря на свое дряхлеющее состояние, Леонид Ильич регулярно посещал Кремль, все еще «держал руку на пульсе».

Заручившись поддержкой военных, Андропов планировал явиться к Брежневу узкоколлегиальным составом, вооружившись документальными киноматериалами, и, выложив на голову больного человека ушат шокирующей информации, предложить ему уйти в отставку, пожалуй, лишь сохранив за ним номинальный пост члена ЦК. А полноту власти передать... например, чрезвычайной комиссии.

³⁷ 24 мая Андропов был переведен на другую должность, передав пост председателя КГБ Федорчуку В. В., но контроль над тихоокеанскими событиями сохранил за собой.

Перестарались. Старика после просмотра некоторых кадров хватил удар, парализовав одну сторону. (Возможно, кто-то циничный счел такой исход даже более благоприятным.)

На следующий же день состоялось заседание Политбюро, где был поднят вопрос об избрании нового генерального секретаря.

Слово взял Черненко. Константин Устинович, «главный канцеляр партии», был уже включен в обойму посвященных.

Перед заседанием Андропов даже высказался с неожиданным предложением:

– Я могу переуступить тебе бремя власти, – тогда он, наверное, впервые обратился к Черненко на «ты», выказывая доверительную спайку общим секретом, – но согласишься, нам многое придется менять в руководстве страны. На места надо ставить профессионалов, а не тех лояльных подхалимов, что развел вокруг себя Ленья. Мне же кардинально решать кадровый вопрос будет проще – я не связан старыми отношениями и привязанностями.

Черненко, в основном всегда ходивший на вторых ролях, не возражал, сделав свой выбор и предложение кандидатуры, назвав на экстренном пленуме ЦК фамилию Андропова. А когда министр обороны Устинов со своего места уверенно объявил:

– Армия поддерживает! – Настороженная, ропщущая дискуссия закончилась, не начавшись.

Проголосовали единогласно.

* * *

Вступив в новую должность, Андропов продолжал работать в здании ЦК на Старой площади. В Кремль же если и частил поездками, то, как правило, на заседания Политбюро (по четвергам)... И вот в последнее время, созывая специализированные, профильно-отраслевые, нередко и секретные совещания. Там же на Старой площади был создан экономический отдел. А новоназначенный генсек едва ли не сразу тогда расставил приоритеты:

– В вопросе устойчивости государства на первом месте для нас стоит проблема хозяйствования. Все определяет экономический базис. В общем... товарищи, никуда мы не ушли от материального – стало голодно, люди вышли на улицы.

В кабинете генерального располагалось два стола: непосредственно рабочий генсека и большой для совещаний. Обычно, когда Андропов с кем-то беседовал, переходил за совещательный стол. Сейчас же...

– А люди... они всего лишь люди, – Юрий Владимирович оставался сидеть за письменным столом в глубине кабинета в полумраке (все из-за тех же диабетических проблем со зрением), и чем-то воландским, булгаковским повеяло от этих его слов. Так и просилось далее: «...квартирный вопрос только испортил их...»

Не прозвучало. Но дополнилось весьма близким по смыслу:

– Идеологией нашего человека уже не проймешь, не призовешь на подвиги. Прошли те времена, когда можно было выехать на лозунгах «затянем пояса» и «враг не дремлет». Самое отвратительное, что ничего не изменилось и враг действительно не дремлет. Проблема не только в том, что нам надо менять внутренние экономические стратегемы. На нас давит внешняя экономическая диверсия Запада, массовая техническая дезинформация, наносящая хозяйственный урон советской экономике.

Хозяин кабинета наконец принял бумаги у генерал-лейтенанта, просмотрел, сделав какие-то отметки в своем блокноте.

До официального вступления Андропова в должность так называемая «чистка», реализуемая Крючковым, велась крайне избирательно и тонко – нельзя было преждевременно перепугать руководящую элиту страны «призраком репрессий». Но кадровые перестановки, устранения непрофессиональных, дискредитировавших себя деятелей начинали набирать обороты.

– Они всего лишь люди, – фраза повторилась, но касалась уже не рядовых граждан, – я уже неоднократно говорил – уберем этих негодяев, им на смену выползут другие. Еще раз повторю – основная причина распада и развала страны связана с процессами деградации экономики.

* * *

Что можно сказать, глядя сторонним взглядом (в первую очередь взглядом членов Политбюро) на приход к власти Андропова?

«Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль работы» – именно таким аргументом воспользовался Черненко, выдвигая кандидатуру Андропова на пленуме ЦК, наверняка подразумевая, что ничего на вершине «кремлевского олимпа» не изменится и все ключевые, уж по крайней мере «свои», фигуры останутся при своих постах и должностях.

Поначалу (опустив какое-то время на раскачку нового генсека, на инертность всей партийно-кремлевской машины) так и происходило. Но мало кто сомневался – после восемнадцатилетнего правления Брежнева «пришла новая метла»!

Что сказать о самом Андропове.

Несомненно, обладая управленческим талантом и правильной оценкой назревших проблем Советского Союза, новоиспеченный генсек в известной истории и без всяких подсказок извне затеял в стране масштабные преобразования.

Впрочем, не он один осознавал необходимость реформ. Некоторые хозяйственные схемы уже прорабатывались. Тот же экономический отдел на Старой площади был запланирован еще по инициативе Брежнева, явно с подачи ряда профессиональных товарищей. Единственное, что у группы лиц, во главе которых стоял Андропов, теперь был совсем уж козырный ресурс – знания будущего, своего рода готовые рецепты правильных действий и выбора нужных направлений.

Вместе с тем эти знания будущего несли еще одну составляющую, ломающую идеологические основы. Они (эти знания) буквально открывали глаза, приподнимали шторы, невзирая на то, что сам Андропов, уже находясь на вершине власти, обладая доступом к любой самой засекреченной информации о положении дел в стране, будучи несомненно умным и аналитически мыслящим человеком, все это и раньше воочию наблюдал и видел.

Так вот, помимо того, что дискредитировала себя номенклатура – люди: карьеристы, пользующиеся партийным билетом как возможностью возвыситься, а также безответственные словоблуды, просиживающие штаны на местах, – рушилось само содержание марксизма-ленинизма, не выдержав напора времени и человеческой природы.

Стагнирующее партийное руководство потеряло уважение, и прежде всего у собственного народа. Следом тянулась потеря авторитета СССР на международной арене. А вместе с этим проигрывала и сама коммунистическая идея.

Из материалов будущего делался неутешительный вывод: коммунистические движения выродились в лучшем случае в идеалистов... или популистов (примером компартия Российской Федерации). Был еще Китай, но его невероятный выверт смеси социализма и капитализма, скорей всего, держался только на азиатском менталитете.

«Это провал и поражение, едва ли не по всем идеологическим статьям, – болезненно бродило в голове генерального, – уже набившие оскомину догмы вряд ли будут работать в управлении массами».

А потому... единственное, что он мог от себя предложить, это вместе с перестройкой социально-экономической системы СССР провести серьезную реструктуризацию основополагающей партии.

Только вот как теперь старому человеку, старому партийцу, всю жизнь существовавшему в одной, можно сказать, единственной коммунистической парадигме, преодолеть свои укоренившиеся императивы? А еще надо убедить товарищей, можно сказать – соратников. Учитывая, с каким трудом он смог преодолеть свою косность, это представляло почти не решаемую задачу.

«Либо все пойдет, как уже случилось, сведясь к непонятной, ублюдочной демократии российско-постсоветского разлива... либо к власти прорвется, например, Романов, ужесточив режим так, что грянет взрыв похлеще уже пережитого. Страна попросту погрязнет в очередной кровавой гражданской войне! Всеобщей, а не только по республиканским окраинам. Но опускать руки мы не будем. Не для того нам дан шанс с этим заблудшим во времени крейсером».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.